

**Международная конференция
«Кавказские языки: типология и диахрония»
памяти Михаила Егоровича Алексеева**

**23–24 октября 2019 года
Институт языкознания РАН, Москва**

Тезисы докладов

Международная конференция «Кавказские языки: типология и диахрония» памяти М. Е. Алексеева. 23–24 октября 2019 г. Институт языкознания РАН, Москва: Тезисы докладов / Сост. И. Г. Багирова, Т. А. Майсак. — М., 2019. — 90 с.

Оргкомитет:

Атаев Б. М.	(ИЯЛИ ДНЦ РАН)	
Багирова И. Г.	(ИЯз РАН, НИУ ВШЭ)	
Загиров В. М.	(ДГПУ)	
Майсак Т. А.	(ИЯз РАН, НИУ ВШЭ)	
Муталов Р. О.	(ИЯз РАН)	
Тестелец Я. Г.	(ИЯз РАН, РГГУ)	— председатель
Ферхеес С.	(НИУ ВШЭ)	
Халилов М. Ш.	(ИЯЛИ ДНЦ РАН)	
Чирикба В. А.	(ИЯз РАН, АБИГИ)	

Страница конференции:

https://iling-ran.ru/web/ru/conferences/2019_kavkaz

СОДЕРЖАНИЕ

Б. М. Атаев. <i>Роль М. Е. Алексеева в выявлении исконного лексического фонда аварского языка</i>	5
Е. Б. Бесолова. <i>Об иранизмах в кавказских языках</i>	7
Г.-Р. А.-К. Гусейнов. <i>К ареальной и историко-генетической интерпретации восточнокавказских падежных показателей в трудах М. Е. Алексеева в контексте постановки вопроса о нахско-лезгинской общности</i>	12
А. Н. Закирова. <i>Согласование по числу в зилловском диалекте андийского языка</i>	15
М. О. Ибрагимова. <i>К вопросу о полисинтетизме падежных форм в рутульском языке</i>	18
А. А. Кретов, А. Д. Черечеча. <i>Проблема лексико-семантической типологии кавказских языков</i>	21
Ю. А. Ландер, И. Г. Багиорокова. <i>Фасилитив и диффисилитив в адыгейском языке: корпусные данные в сравнении с элициацией</i>	24
А. Дж. Магомедов. <i>М. Е. Алексеев о кубачинском языке</i>	26
Д. М. Магомедов. <i>Сравнительный анализ вопросительных предложений в аварском и лезгинском языках</i>	29
М. И. Магомедов. <i>Особенности современной языковой ситуации в Дагестане</i>	33
М. А. Магомедов. <i>Морфологическое выражение разумности / неразумности (личности / неличности) в местоимениях аварского языка</i>	37
З. М. Маллаева. <i>К вопросу о «неправильных» глаголах аварского языка</i>	39
Р. О. Муталов. <i>Актантные изменения в каузативных конструкциях кадарского языка</i>	43
П. Л. Наследскова. <i>Именная группа в рутульском языке</i>	46
В. А. Позднякова, О. Р. Валиулин. <i>Лексикографическая база даргинских идиомов: опыт создания, социолингвистические и сравнительно-исторические перспективы</i>	48
Д. С. Степина. <i>О проблеме выделения модальных глаголов в тальшском языке Азербайджана</i>	51
Н. Р. Сумбатова. <i>«Нестандартные» независимые клаузы в даргинском языке</i>	54
Я. Г. Тестелец. <i>Грамматика косвенности в дагестанских языках</i>	57
Р. Ш. Халидова. <i>Особенности организации хронотопа в каратинских сказках</i>	59

З. М. Халилова, М. Ш. Халилов. <i>Синтаксический статус деепричастного оборота в бежтинском языке</i>	62
М. Ч. Чеерчиев. <i>Системные расхождения в фонетическом строе русского и аварского языков</i>	67
В. А. Чирикба. <i>Западнокавказско-восточнокавказские соответствия в области морфологических показателей</i>	67
Gilles Authier. <i>Internal reconstruction of Bezhta preverbs and external comparison</i>	70
Diana Forker. <i>The so-called attributive / contrastive / restrictive suffixes in Dargwa</i>	71
Ramin Hassanzadeh-Nodehi, Mauro Maggi. <i>Persian manāt and its dialectal diffusion</i>	73
Alexander Letuchy. <i>The Abaza masdar: one marker, four strategies</i>	74
George Moroz. <i>Comparing phonological systems and syllable structure of Botlikh and Zilo Andi: a data-driven analysis</i>	78
Neige Rochant. <i>Why does the Andi causative suffix agree in number?</i>	80
Samira Verhees, Chiara Naccarato. <i>Towards a tentative origin of animacy markers in Botlikh</i>	84
Jesse Wichers Schreur. <i>The Nakh-Daghestanian gender systems: genealogy and areal diffusion</i>	86
Sofia Yaroshevich. <i>We marry Alice: an unusual reported speech construction in Tabasaran</i>	88

РОЛЬ М. Е. АЛЕКСЕЕВА В ВЫЯВЛЕНИИ ИСКОННОГО ЛЕКСИЧЕСКОГО ФОНДА АВАРСКОГО ЯЗЫКА

В словарном составе аварского языка М.Е. Алексеев выделял несколько пластов исконной лексики. Наиболее древним он считал слой общедагестанской (общевосточнокавказской) лексики, выявляемый путем обнаружения словарного единства аварского и других дагестанских языков. Это единство демонстрируется им, в частности, словарными сопоставлениями таких лексико-тематических групп, как:

а) названия частей тела, например, **бетIер** ‘голова’, сопоставляемое с лак. *бакI*, дарг. *бекI*, *бикI*, *бечI*, буд. *кьаьл*, агул. *гьукьул*, крыз. *кьыл*, таб. *кIул*, удин. *бул*, хин. *микIур*, цах. *вукьул*, рут. *кьул*, *йукьул*, арч. *картIи*, лезг. *кьил*, а также **мегIер** ‘нос’; **бер** ‘глаз’; **ракI** ‘сердце’; **мацIцI** ‘язык’ и др.;

б) термины родства: **вацц** ‘брат’; **йацц** ‘сестра’; **нус** ‘невестка’;

в) названия элементов ландшафта, построек и т.п.: **нух** ‘дорога’; **бокь** ‘хлев, сарай’; **гьобо** ‘мельница’;

г) обозначения предметов материальной культуры, орудий труда, домашней утвари и т.п.: **лъен** ‘вилы’; **пуруцц** ‘соха’; **гIебу** ‘шило’; **чIорбутI** ‘лук (для стрельбы)’;

д) обозначения продуктов питания: **гьагIу** ‘бульон’; **хханжу** ‘мука (пшеничная)’; **гьоцIцIо** ‘мед’; **тIи** ‘солод’; **нису** ‘сыр’; **ххинкIал** ‘хинкал’;

е) лексика духовной культуры, выражения абстрактных понятий: **маргьо** ‘сказка’; **макьу** ‘сон’; **сон** ‘год’; **кьо** ‘день’ и др.;

ж) названия растений: **мах** ‘береза’; **гIеч** ‘яблоко’; **тIегь** ‘цветок’; **мичIчI** ‘крапива’;

з) обозначения предметов и явлений неживой природы: **зоб** ‘небо’; **бакь** ‘солнце’; **моцIцI** ‘луна, месяц’; **цIа** ‘огонь’; **лъльим** ‘вода’; **гIазу**, **гIазо** ‘снег’; **ракь** ‘земля’; **рахьу** ‘зола, пепел’;

и) названия животных (диких и домашних), птиц, пресмыкающихся и насекомых: **куй** ‘баран’; **цIце** ‘коза’; **кьегIер** ‘ягненок’; **кето** ‘кошка’; **гьве** ‘собака’; **цер** ‘лиса’; **ци** ‘медведь’; **гIункIкI** ‘мышь’; **борохь** ‘змея’; **нацIцI** ‘вошь’; **чIигьа** ‘скворец’; **гагу** ‘кукушка’; **чIетI** ‘блоха’;

к) имена прилагательные и наречия: **бакIаб** ‘тяжелый’; **бацIадаб** ‘чистый’; **бицIатаб** ‘толстый’; **гургинаб** ‘круглый’; **гицIаIаб** ‘голый’; **тIеренаб** ‘тонкий’; **чIегIераб** ‘черный’; **цIцIекIаб** ‘кислый’;

л) местоимения: **дун** ‘я’; **мун** ‘ты’; **ниж** ‘мы’; **нуж** ‘вы’;

м) числительные: **цо** ‘один’; **кIиго** ‘два’; **лIабго** ‘три’; **ункьо** ‘четыре’; **щуго** ‘пять’; **анлIго** ‘шесть’; **анкIго** ‘семь’; **микIго** ‘восемь’; **ичIго** ‘девять’; **анцIго** ‘десять’; **кIього** ‘двадцать’;

н) глагольная лексика: **ба-кIьв-азе** ‘сохнуть’; **ба-р-сс-изе** ‘жарить’; **бе-ль-изе** ‘варить’; **бе-тI-изе** ‘нарвать’; **бе-чIчI-изе** ‘дойти’; **би-лIлI-ине** ‘идти’; **бо-кI-изе** ‘любить’; **гI-аб-изе** ‘родиться’; **кIв-ине** ‘есть’; **лI-азе** ‘узнать’; **лI-езе** ‘класть’; **лI-изе** ‘жать (серпом)’; **цI-езе** ‘наполниться’; **чIчIезе** ‘остановиться’ и др.

Хотя лексика, специфическая для аварского и близкородственных андийских и цезских языков привлекается к сопоставительным исследованиям, до настоящего времени, она специально не анализировалась и, соответственно, не был определен ни ее количественный, ни качественный (по лексико-тематическим группам) состав. К этой группе слов, по материалам М.Е. Алексеева, можно отнести, например, следующие:

бакь ‘кишка’, ср. анд. *бокь*, ботл., ахв. *бакьи*, кар. *бакье*, *бакьи*, багв. *бакь*, бежт. *ах-балIа*, *балIа*;

хIал ‘шелуха, кора, кожура’ – анд., ботл., чам., цез., хварш. *хIал*, год., тинд. *хIа-ли*, багв. *гIьваниша*, *гIьуниша*, кар. *хIало*.

Выделяя хронологический пласт аваро-андийской лексики, следует иметь в виду высокую вероятность заимствования собственной аварской лексемы в андийские языки. Ср.: **боцIцIи** ‘скот’ – анд. *буцIцIур*, ботл. *буцIцIи*, год. *буцIци*, кар. *бецIцIур*, ахв. *рецIцIу*, тинд. *боцIор*, багв. *бецIцIур*, чам. *боцIцIи*. В эту группу М.Е. Алексеев включает и следующие слова: **хIуцIцIи** ‘болото’; **габур** ‘шея’; **щекI** ‘мускул’; **гIьваница** ‘затылок’; **эмен** ‘отец’; **гIондокь** ‘куница’; **багIаризе** ‘мешать’, **гаргадизе** ‘разговаривать’, **рештIине** ‘спешиться’ и др.

К собственно аварской лексике М.Е. Алексеев относит такие лексемы, как: **гIан** ‘мясо’, **гIи** ‘овца’, **натIихI** ‘теленок (до двух лет)’, **болIьон** ‘свинья’, **чан** ‘зверь, дичь’, **гIанкI** ‘заяц’, **ритIучI** ‘олень’, **жинIжа** ‘клоп’, **ссап** ‘волос’ и др.

Безусловно, приведенная выше лексика далеко не исчерпывает все богатство исконной аварской лексики: здесь мы, по существу, ограничились лишь иллюстративными примерами. В то же время представленные здесь изоглоссы наглядно демонстриру-

ют генетические истоки словарного состава аварского языка, на основе которых он формировал свою лексическую систему.

Более подробный список словарных сходжений аварского языка с другими родственными языками см. в его работах:

Алексеев М.Е. Сравнительно-историческая морфология аваро-андийских языков. М.: Наука, 1988.

Алексеев М.Е. Сравнительно-историческая морфология нахско-дагестанских языков. Категории имени. М.: Academia, 2003.

Алексеев М.Е., Атаев Б.М. К диахронической стратификации общеаваро-андоцезской соматической лексики // Дагестанский лингв. сборник. – Вып. V / ИЯ РАН – М.: “Academia”, 1998. С. 3-16.

Алексеев М.Е., Атаев Б.М. Аварская глагольная лексика общедагестанского происхождения // Дагестанский лингв. сборник – Вып. VI / МГЛУ – М.: “Academia”, 1999. С. 9-24.

Алексеев М.Е., Атаев Б.М. Аварские названия животных общевосточнокавказского происхождения // Дагестанский лингв. сборник – Вып. VII / МГЛУ – М.: “Academia”, 1999. С. 3-10.

Алексеев М.Е., Атаев Б.М. Аварская прономинальная лексика общевосточнокавказского происхождения // Дагестанский лингв. сборник. – Вып. IX / ИЯ РАН. – М.: “Academia”, 2001. С. 7-12.

Алексеев М.Е., Атаев Б.М. Аварские названия растений общевосточнокавказского происхождения // Кавказский лингвистический сборник. Москва, 2005. – Вып. 16. С. 7-19.

Алексеев М.Е., Атаев Б.М. Об исконном лексическом фонде аварского языка // Языкознание в Дагестане. – Вып. 8. – Махачкала, 2005. С. 83-85.

Алексеев М.Е., Атаев Б.М. Имена прилагательные общевосточнокавказского происхождения в аварском языке // Кавказский лингвистический сборник. – Москва, 2007. – Вып. 18. С. 15-23.

Алексеев М.Е., Атаев Б.М., Абдулхалимова Р.О. Аварская лексика в сравнительно-исторических исследованиях восточнокавказских языков // Проблемы лексикологии и лексикографии северокавказских языков. – Махачкала. 2010. С. 46-59.

Е. Б. Бесолова

Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева – филиал ФГБУН федерального научного центра «Владикавказский научный центр РАН»

ОБ ИРАНИЗМАХ В КАВКАЗСКИХ ЯЗЫКАХ

Изучение лексических общностей иранских и кавказских языков представляется чрезвычайно интересным и плодотворным. Большой вклад в прочтение типологических и ареальных аспектов этих общностей внесли В. И. Абаев, Д. И. Эдельман, Г.С. Ахведиани, М.К. Андроникашвили, Г.А. Климов, Р.А. Ачарян, Ю.И. Алироев, К.З. Чокаев, И. Х. Абдуллаев, К. Ш. Микаилов и др.

Межкавказский лексический фонд, который сложился в течение многовековых взаимных контактов, в процессе взаимодействия и взаимовлияния, – щедрый материал для создания *этнокультурного словаря лексических общностей*. Он может быть разработан на богатом лингвистическом, этнографическом, фольклорном, историческом, археологическом и пр. материале и может явиться подтверждением прозорливости выдающегося востоковеда В. И. Абаева, уловившего «дух и существенные черты единой кавказской этнической культуры» [Абаев, 1949, с. 89].

Вопрос о стратификации лексического фонда кавказских языков на предмет наличия лексических общностей иранских (осетинского) и кавказских языков, обусловленных историей и этнокультурой носителей этих языков, давно назрел. Кавказизмы иранского происхождения с присущими им лексико-семантическими и фонетическими особенностями подлежат объединению в тематические и лексико-семантические группы с обоснованием произошедших в конкретном языке семантических сдвигов в их значениях (Услар, Чикобава, Абаев, Эдельман, Климов, Гукасян, Абдуллаев и др.).

Примером счастливого существования иранских компонентов в языках Кавказа, а также удачного включения иранского мира в кавказский может послужить древнейший социальный термин *pādšāh* «падишах», «шах». Первоисточник – перс. *pādšāh* < др.перс. **pātixšāyaθiya-*.

В осетинском языке слово *паддзах* встречается в значениях «царь», «шах», «король»; *ус-паддзах* «правлящая царица» (букв. «женщина-царь»); производные – *паддзахад* «царство», «государство» [Абаев, 1973, том II, с. 235]; *паддзах* «император», «государь» [ОРС, 1993, с. 233]; *паддзахад* «держава», «империя» [ОРС, 1993, с. 233].

Термин прочно укоренился во многих языках Кавказа; ср. авар. *pačah*, агул. *patčah*, табас. *pacah*, анд. *pacah*, чеч. *paččah*, каб. *padšah*; чечен. и ингуш. языках *пачахъ* – в знач. «царь, король, государь, падишах»; в лак. *паччягьлугъ* ~ *паччягьлугъ*, авар. *пачалихъ* ~ *пачилих*, лезг. *пачагьлугъ*, таб. *паччагьлугъ* «государство, держава; страна, край» [Абрамян, 1965; Парсаданян, 2002; Гаджиева, 1979; Джидалаев, 1990; Вагапов, 2011]. Производные формы – авар. *пачалихъ* ~ *пачалих*, дарг. *пачалихъ* «государство», «нация», по мнению Н.С. Джидалаева, являются «очевидными заимствованиями из кумыкского языка» [Джидалаев, 1990, с.151]. Мотивирует учёный тем, что в слове *пача-лыкъ* в значении «государство» выделяются *пача* “царь “ и суффикс кумыкского языка *-лыкъ*.

Но тюркский (кумыкский) словообразовательный суффикс *-лыкъ* как самостоятельная единица не известен авар. и дарг. языкам, потому что все формы с *-лыкъ* в них являются, по утверждению Н.С. Джидалаева, непосредственными заимствованиями; к примеру, собственно авар. форма *пачальи* «царство» < *пача* + авар. словообразов. суф. *-льи*; сюда же относят чеченский кумыкизм *пачгьалхъ* (<*пачагьлукъ*) «государство» [Там же]. Лезг. *пачагьлугъ*, таб. *паччагьлугъ* «государство» считаются заимствованиями из азерб. *падшагьлыг* «царствование; период царизма; царство», где наблюдается звукоизменение комплекса *-ди-* (>*-ти-*) > *-ч-* [АзРС]. Уже в совр. лак., лезг. и таб. языках заимствованный азерб. суффикс *-лугъ* функционирует, по мнению одних учёных, как самостоятельное словообразовательное средство [Талибов, 1966, с.559; Гайдаров, 1967, с. 62], а другие считают, что большинство форм с *-лугъ* в означенных языках – прямые заимствования из азерб. языка [Гайдаров, 1967, с. 214]. Н.С. Джидалаев пишет, что если бы лексема *паччягьлугъ* была бы образована на собственно лакской почве, то указанная форма выступала бы в значении «поступок, присущий царю», «царщина», а не «царизм» в значении «государство» [Джидалаев, 1990, с.151].

Многозначность рассматриваемого термина в дагестанских языках пытаются объяснить и как результат его самостоятельного функционирования в новой языковой среде; см. в азерб. языке в значении «государство», «держава» – *дöвлät* (< араб.), «государство», «страна» – *ölkä*, *mämläkät* (< араб.-перс.), «край» – *ölkä*. Наблюдения лингвистов выявили, что эти термины, за исключением слова *mämläkät*, представлены и в дагестанских языках, но с определённой стилистической окраской, в то время как термины *пачалих*, *паччягьлугъ* стилистически нейтральны [Джидалаев, 1990, с.151].

Культурные связи носителей кавказских и иранских (осетинского) языков, даже при отсутствии ареальных контактов, как уже установлено, составили «культурное

единство, преодолевающее историческое многоязычие». Оно обусловлено как внутренней жизнью кавказских народов, так и тем, что одним из конкретных источников заимствования для кавказских, тюркских и индоевропейских языков Кавказа был персидский. Данное обстоятельство объясняют как эпохой иранских завоеваний, деятельностью иранских шахов, их походами на Кавказ, так и скифо-сармато-аланским миром, интенсивными политическими, экономическими и пр. связями, влиянием и ролью алан в исторических судьбах народов Кавказа.

Свидетельством истории народов и одновременных контактов языков может явиться не только рассмотренный социальный термин из нов.перс. *padšāh* (<др.перс. **pātixšāyaθiya-*) в значении «падишах», «царь», «шах», давший в кавказских языках древнейшие образования с иранской основой, но также значительное количество кавказских иранизмов, осевших в словарном наследии генетически родственных, так разнотипных языков; они «очень многочисленны и древни», и среди них «выделяются своим полновесным культурным содержанием» три группы слов: «1) названия культурных растений и домашних животных; 2) термины материальной культуры; 3) термины социального порядка»; приводимые В.И. Абаевым изоглоссы захватывают несколько различных языков [Абаев,1949,с. 287-293]. Интерес вызывают социальные термины и идущие от них личные имена, которые возникли на древнеиранских основах. Напр., **azna* «знатный», «благородный»; «известный». Образованные от этой основы социальные термины в языках Кавказа представлены в виде двух вариантов: южнокавказском – армянском (*azn-iw* “благородный; знатный“) и грузинском (*azn-a-uri* “благородный; дворянин“) языках; восточнокавказском – в ряде дагестанских языков [Абдуллаев, 2015, с.211].

Как показала жизнь, распространение и дифференцирование последующих и вторичных их значений произошло со временем, локально и самостоятельно.

Примеры-свидетельства древней лексики, восходящей к иранским формам, пересекают весь ареал распространения иберийско-кавказских языков. Слова общекавказского лексического фонда, возникшие на базе иранских лексических элементов, наличествуют почти во всех языках этнокультурного ареала Иран-Кавказ-Анатолия. Аспекты рассмотрения – и историко-сравнительный, и сопоставительный, и конвергентного развития – выявляют факты в пользу общекавказского социокультурного и культурно-исторического пространства, дающего возможность вести речь о кавказском языковом союзе, включающем означенный этнокультурный ареал. Исследование их семантики и этимологии зачастую даёт обильную почву для размышлений об особенностях межкав-

казских сходений как в материальной культуре, так и в обрядах, обычаях, быте и нравах, в фольклоре и религиозных воззрениях. Надеемся, что создание этнокультурного словаря лексических общностей откроет ещё одну страницу в изучении раннесредневековой истории этноязыковых контактов языкового ареала Анатолия-Кавказ-Иран.

Г.-Р. А.-К. Гусейнов

Дагестанский государственный университет (Махачкала)

**К АРЕАЛЬНОЙ И ИСТОРИКО-ГЕНЕТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ
ВОСТОЧНОКАВКАЗСКИХ ПАДЕЖНЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ
В ТРУДАХ М. Е. АЛЕКСЕЕВА В КОНТЕКСТЕ ПОСТАНОВКИ ВОПРОСА
О НАХСКО-ЛЕЗГИНСКОЙ ОБЩНОСТИ**

Тот факт, что показатель эргативного падежа исконно двухпадежной, включая немаркированный номинативный (абсолютный) компонент, системы дагестанских языков оказывается неизвестным нахским языкам [Алексеев 2003: 224], свидетельствует о сравнительно обособленном положении нахских языков. Но, с другой стороны, обнаруживают взаимную близость типологически номинативные субстантивные форманты генитива и датива нахских и отдельных дагестанских языков, включая лезгинский, а также даргинский в первом случае, во втором – те же лезгинский, даргинский, а также лакский [Алексеев 2001: 163]. Тем самым исторически в ареальном аспекте вышеупомянутые языки оказываются противопоставленными, особенно нахские, аваро-андоцезским, невзирая на нынешнюю территориальную смежность последних с нахскими языками.

Тем самым подтверждается, с ареальной точки зрения, то что, как полагал С.А. Старостин [2007: 497–498], нахские языки, в отличие от дагестанских, обнаруживают «ровное и низкое в количественном отношении распределение изоглосс, по видимому, находились (как и в настоящее время) на периферии общевосточнокавказского диалектного ареала». Однако, несмотря на его «предположение о центральной локализации пралезгинского внутри общевосточнокавказского диалектного ареала (после распада правосточнокавказского)», нахские языки обнаруживают большое число лексических сходств с южным лезгинским (17), чем с непосредственно граничащими с ними аваро-андийскими и цезскими языками (по 15). Наряду с этим обнаруживаются, как и следовало ожидать, гораздо менее интенсивные их связи с лакским (9) и особенно даргинским (5) языками.

Все это указывает на несколько иной характер ареальной дистрибуции восточнокавказских, особенно нахских языков, в более древний период своей истории и вместе с вышеупомянутыми лексическими глоссами позволяет предполагать прошлую террито-

риальную смежность нахских и лезгинских языков. Имея же в виду принципиально несистемный характер генетива и датива для эргативной конструкции предложения ввиду их отсутствия в абхазо-адыгских языках, следует отметить общность показателя генетива *-n* для нахских и лезгинских (лезгинский, табасаранский, агульский и арчинский) языков с чувашским показателем генетива *-en/-n*, что может указывать на его болгарский генезис при условии редукции в нем предшествующего гласного [Гусейнов 2009: 113]. Возможность соответствующего достаточно древнего контакта поддерживается наличием в рассматриваемых языках довольно значительного фонда болгарских лексических заимствований. в т. ч. и общих, как, например: пранах. *qali/qale* '(коренной) зуб' – лезг. *kkalaχ* 'коренной зуб'; болг. *вир* 'омут, водоем, заводь' ~ лезг. *wir* 'бассейн, небольшой водоем, озеро', дарг. *war-ačan* 'река, поток', инг. *fword* (< **vword*) 'море' (>осет. ирон. *fürd*/диг.*ford* 'большая река, море'); лезг. *wal* 'куст', инг. *vel(-iš)* 'кустарник на горах', чеч. *valti*, инг. *falti* (< **valti* 'детский матрац (набитый травой)' < пратюрк. **ölön* 'трава (зелень)' > башк. *ylän* 'трава', кум. *ölen* 'вид травы, используемый в стельках в чарыках'; чеч.-инг. **vars-* > чеч. *varzap*, инг. *varbast* 'молот, кувалда' (< чув. *v̄r̄s* 'ругаться, драться' < пратюрк. **uv(u)rulc̄* 'биться, воевать' > чув. *v̄r-* 'бить') >) – лезг. *var-danag* '1) ручной каменный каток (для накатки земляной крыши); 2) обрубок бревна' [см. Гусейнов 2010: 15, 20, 44; 47]

Предполагаемая общность поддерживается и фонетической изоглоссой, присущей вышеперечисленным языкам, – губным фрикативным звуком [f], неизвестным лишь бацбийскому и арчинскому [Структур. общности 1978: 116–117 табл.4], хотя при ближайшем рассмотрении наблюдается несколько более сложная картина, требующая специального рассмотрения, не входящего в число задач данной работы [см.: Имнайшвили 1977: 186–188; Талибов 1980: 322]. Дальнейшее изучение предполагаемой общности может составить предмет последующей исследовательской работы автора.

Литература

Алексеев М. Е. Нахско-дагестанские языки // Языки мира. Кавказские языки. М., 2001. С.156-164.

Алексеев М. Е. Сравнительно-историческая морфология нахско-дагестанских языков. М., 2003. – 262с.

Гусейнов Г.-Р.А.-К. К контенсивно-типологической и генетической интерпретации эргативного строя восточнокавказских языков (на материале грамматических па-

дежей) // Материалы Международной научной конференции «Эргатив и эргативная конструкция в языках мира». Тбилиси, 2009. С.112-113.

Гусейнов Г.-Р. А.-К. История древних и средневековых взаимоотношений языков народов Северо-Восточного Кавказа и Дагестана с русским языком. Махачкала, 2010. 214с.

Имнайшвили Д.С. Историко-сравнительный анализ фонетики нахских языков. Тбилиси, 1977. 299с.

Старостин С.А. Распределение изоглосс в северокавказских языках // Старостин С.А. Труды по языкознанию. М., 2007. 928с.

Структурные общности кавказских языков. М., 1978.130с.

Талибов Б.Б. Сравнительная фонетика лезгинских языков. М., 1980. 350с.

СОГЛАСОВАНИЕ ПО ЧИСЛУ В ЗИЛОВСКОМ ДИАЛЕКТЕ АНДИЙСКОГО ЯЗЫКА¹

В зиловском диалекте андийского языка (андийские > аваро-андо-цезские > нахско-дагестанские) согласование по числу выражается с помощью нескольких морфологических стратегий: это классные показатели, которые маркируют число только у существительных класса животных (см. Таблицу 1), вокалический аблаут корня и суффиксы множественного числа *-il/ -ul/ -l*.

Таблица 1. Классные показатели в зиловском диалекте андийского языка.

	M	F	AN	INAN1	INAN2
SG	<i>w</i>	<i>j</i>	<i>b</i>	<i>b</i>	<i>r</i>
PL	<i>w</i>	<i>j</i>	<i>j</i>	<i>b</i>	<i>r</i>

В этом докладе будут подробно рассмотрены суффиксальные показатели *-il/ -ul/ -l*. Мы опишем их дистрибуцию в именной группе и в клаузе: какие составляющие обязательно присоединяют такие показатели, какие присоединяют их факультативно, а на каких *-il/ -ul/ -l* невозможны.

Дистрибуция *-il/ -ul/ -l*

В именной группе показатели *-il/ -ul/ -l* маркируют согласование с вершиной и являются обязательными:

- (1) *if:i-b-ul* *ziludira-b-ul* *b-etʃ'uχo-l*
мы.EXCL.OBL-INAN1(GEN)-PL Зило-INAN1(GEN)-PL INAN1-большой.OBL-PL
χink'ilo-l *hotʃ'ej* *dʒid-e*
хинкал.OBL-PL так делать-NPST(НАВ)

‘Наши зиловские большие хинкалы готовят так’.

Показатель *-ul/ -l* может присоединяться к числительным. Результирующие формы в грамматике [Салимов 2010: 138] трактуются как собирательные; в [Moroz 2017] этот показатель для собирательной серии признаётся факультативным, а собственно

¹ Исследование было поддержано грантом РФФИ №18-012-00852 «Морфосинтаксис андийского языка: опыт внутригенетической типологии».

собирающее значение, согласно [Moroz 2017], передается аддитивной частицей =*lo*. Мы не имеем данных о точной семантике числительных с показателем *-ul/ -l*; заметим, однако, что такие числительные не употребляются с неодушевлёнными существительными (2); кроме того, в отличие от обычных количественных числительных, числительные с показателем *-ul/ -l* могут употребляться с существительными во множественном числе (3); таким образом, возможно, что в примерах типа (3) представлено такое же согласование, как в (1).

(2) *lob=gu intfi / *lob-ul=gu intfi-l ustulu²-a-k:u b-uk:-u*
 три=EMPH яблоко три-PL=EMPH яблоко.OBL-PL стол-SUPER-EL INAN1-упасть-PST(AOR)
 ‘Три яблока упали со стола’.

(3) *lob-ul=gu wof:u-l w-o²-ija*
 три-PL=EMPH мальчик.OBL-PL М-приходить.PL-FUT
 ‘Три мальчика придут’.

В клаузе суффиксальные показатели *-il/ -ul/ -l* могут присоединяться к наречиям и послелогам, а также к некоторым глагольным формам. Контролёром согласования при этом выступает абсолютный аргумент.

Некоторые наречия, расположенные низко в иерархии [Cinque 1999], требуют согласования по числу (4):

(4) *hege-w-ul fu-w-ul / *fu-w hell-i-r*
 DEM-M-PL хороший-M-PL хороший-M бежать-PST-PROG
 ‘Они хорошо бегают’.

Другие низкие наречия и послелог присоединяют *-il/ -ul/ -l* факультативно:

(5) *hege-w-ul berq'o-l / berq'a w-atf: '-i-r*
 DEM-M-PL ранний.OBL-PL ранний М-проснуться-PST-PROG
 ‘Они просыпаются рано’.

(6) *if:il relo-tfu tteru / tteru-l w-aχ-u-mallo*
 мы.EXCL море-AD2 близко близко-PL М-жить-PST-PROG
 ‘Мы живём близко к морю’.

Высокие наречия (типа *talefeldi* ‘к счастью’) не присоединяют показателя множественного числа, что впрочем может объясняться тем, что они по происхождению являются застывшими падежными формами.

Суффиксы числа присоединяются и к некоторым формам глагола: они обязательны на императиве от непереходных глаголов (7) и возможны на формах прогрессива на *-r* (8) и будущего времени на *-ja* (9).

(7) *hinni kabi-b-ul di-w-ul motfi-l*
 внутри войти-IMP-PL я-M-PL ребёнок-PL
 ‘Заходите, дети мои’.

- (8) *gurdibo-l* *gelged-i-r-il* *šipaneru-la*
 рубашка.PL.OBL-PL висеть-PST-PROG-PL шкаф-IN.ESS
 ‘Рубашки висят в шкафу’.
- (9) *hegejil* *se-j-kot-ol* *r-eχudu-k:u* *j-oi-ja-l*
 DEM-F-PL один-F-немного-PL INAN2-за-EL F-PL.прийти-FUT-PL
 ‘Они придут чуть позже’.

Для определения частотности появления *-il/ -ul/ -l* мы провели эксперимент, в котором 20 носителям предлагалось перевести с русского стимула на зилровский диалект андийского 30 предложений, содержащих 10 глаголов * 3 целевые формы (аорист, прогрессив на *-r* и будущее на *-ja*). В ответах, данных информантами, формы аориста ни разу не присоединили показателя *-il/ -ul/ -l*, а формы прогрессива и будущего с *-il/ -ul/ -l* фиксируются с частотой до 0,4 (глагол *kubajderi* ‘молиться’ в будущем). Выяснение факторов, влияющих на использование таких форм, остаётся задачей дальнейшего исследования.

Литература

Cinque G. Adverbs and functional heads: A cross-linguistic perspective. // Oxford University Press on Demand, 1999.

Moroz G. A. Numerals. // A fieldwork report. 2017

Салимов Х. С. Гагатлинский говор андийского языка. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН. 2010

М. О. Ибрагимова
ИЯЛИ ДФИЦ РАН (Махачкала)

К ВОПРОСУ О ПОЛИСИНТЕТИЗМЕ ПАДЕЖНЫХ ФОРМ В РУТУЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

Многообразие структурных вариаций падежных форм в рутульском языке обусловлено агглютинативным типом языка и спецификой его грамматической системы. Анализ инвентаря падежных форм рутульского языка позволяет выявить роль детерминативов и атрибутивизаторов, способных неоднократно присоединяться к корню.

В структуре косвенных основ некоторых существительных единственного числа, всех существительных множественного числа и субстантивов обоих чисел выявляется морфологическая единица, не имеющая автономной семантики, но способная отражать категории личности/ неличности и одушевленности/ неодушевленности, имплицитно представленные в рутульском языке. Тип склонения с детерминативом – распространителем основы характеризуется двумя основами, но этимология структурных элементов второй основы затемнена. В рутульском языке эргатив и генитив в данном случае являются самостоятельными падежами и не служат для образования форм других падежей, в отличие от систем склонения родственных языков, в которых косвенной основой служит основа эргатива или генитива.

Анализ диалектного материала рутульского языка позволяет заключить, что материальная база детерминативов в них едина, за исключением отличий в фонетическом оформлении некоторых детерминативов, их наличия/ отсутствия в косвенных основах или варьирования в одних и тех же именах существительных разных ареальных единиц.

Косвенную основу существительных ед. числа оформляют детерминативы *-d-/vd-*, *-й-*, *-vl-* и *-vp-*. В ед. числе косвенную основу субстантивированных прилагательных, числительных и причастий I и II кл. оформляет детерминатив *-ний-* (в диалектах – *-ny/ -ni/ -na*), субстантивов III и IV классов – детерминатив *-d-* (в хновском говоре – *-vii*). Во мн. числе косвенная основа одушевленных существительных и других склоняемых частей речи I и II классов едина во всех диалектах: она образуется посредством присоединения детерминатива *-ш-*, основа неодушевленных существительных и субстантивов III и IV классов маркируется детерминативом *-м-*.

В числе компонентов падежных форм имён существительных мн. числа часто является и маркер плюралиса, наличие которого не является обязательным.

Наиболее сложными по структуре являются падежные формы, в составе которых одновременно выявляются детерминативы, маркер плюралиса и показатель принадлежности *-д/-ды*, специфицированный в роли атрибутивизатора.

Формы падежные формы в рутульском языке содержат от одного (номинатив) до семи и более компонентов.

Трехкомпонентные структуры, содержащие детерминативы, выявляются у склоняемых форм мн. числа, всех субстантивов и некоторых существительных единственного числа:

ус-м-ыхъде «под дровами/ под дрова»

R-OBL.PL-SUBES/SUBLAT

хик-ир-ис «ореху»

R-OBL-DAT

Четырехкомпонентные падежные формы, как правило, содержат, кроме корня и аффикса падежа, в различных комбинациях детерминативы ед. и мн. числа, маркеры плюралиса, атрибутивизатор *-д/-ды*:

рыш-би-ш-е «девочки»

R-PL-OBL.PL-ERG

ич-ир-м-ыд «яблоку»

R-OBL-OBL.PL-GEN

гьугъал-м-ыхъаъ-ды «то, которое вместо дождей»

R-OBL.PL-COMP-ATR

Более сложные по структуре пятикомпонентные основы содержат атрибутивизатор *-д/-ды* и падежный аффикс, дополнительными компонентами выступают полный или усеченный маркер плюралиса, детерминатив, интерфикс *-ды-* с формальной функцией соединения морфем, второй маркер падежа:

дешед-би-ш-ихъаъ-ды «те, кто вместо плачущих»

R-PL-OBL.PL-COMP-ATR

хал-ыс-ды-ды-хъван «вместе с тем, что предназначено дому»

R-DAT-ATR-INTER-COMIT

Как правило, шести- и семикомпонентные структуры образованы от ранее атрибутивизированных падежных форм, содержащих детерминативы косвенной основы ед. и

мн. числа, в их структуре частотно использование дополнительного специфического компонента – интерфикса *-ды-* с формальной функцией соединения морфем:

дух-ар-ыс-ды-ды+хъаъ «чем то, что предназначено для сына»

R-OBL-DAT-ATR-INTER-COMP

йыхды-ний-ды-би-ш-ис «тем, кто принадлежит хорошему»

R-OBL-GEN-PL-OBL.PL-DAT

си-бе-ш-ис-ды-ды-хъван «вместе с тем, что предназначено для медведей»

R-PL-OBL.PL-DAT-ATR-INTER-COMIT

Полисинтетизм падежных форм в рутульском языке объясняется наличием в их структуре детерминативов косвенной основы ед. и мн. числа (в некоторых случаях они используются параллельно), маркеров падежа, плюралиса, атрибутивизатора. Формант *-д/-ды*, отражающий семантику аффикса генитива, атрибутивизатора, интерфикса с формальной функцией соединения морфем, суффиксов прилагательных, притяжательных местоимений, детерминатива – распространителя косвенной основы некоторых существительных ед. числа и распространителя косвенной основы всех субстантивов III и IV классов ед. числа, одновременно с обогащением компонентного состава падежных форм рутульского языка способствует возникновению омонимичных грамматических форм, в результате чего возникают проблемы с идентификацией грамматического статуса этой структурной единицы.

Список условных сокращений

ATR – атрибутивизатор, GEN – генитив, DAT – датив, COMIT – комитатив, COMP – компаратив, INTER – интерфикс с формальной функцией соединения морфем, OBL – детерминатив косвенной основы единственного числа, OBL.PL – детерминатив косвенной основы множественного числа, R – корень, SUBES/SUBLAT – субэссив/сублатив.

А. А. Кретов А. Д. Черечеча

Воронежский госуниверситет

ПРОБЛЕМА ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ КАВКАЗСКИХ ЯЗЫКОВ

Лексико-семантическая типология – сравнительно молодая отрасль лингвистики. Типологический подход предполагает сопоставление и классификацию лексико-семантических языков в их текущем состоянии – синхронии.

На сегодняшний день она существует в двух разновидностях: 1) Лексико-микротипология, представленная работами Е.В. Рахилиной [Рахилина ВЯ 2013, № 2] и возглавляемой ею Московской лексико-типологической группой и 2) Лексико-семантическая макротипология, представленная работами членов Воронежской лексико-типологической группы во главе с В.Т. Титовым и А.А. Кретовым [Титов 2002, 2004; Кретов ВЯ 2011, №1; 2016].

Микротипологический подход анализирует отдельные фрагменты словаря на материале многих языков, рассматривая эти фрагменты лексики как бы «под микроскопом». Лексико-семантическая макротипология предлагает взгляд на словарь конкретного языка, так сказать, «с высоты птичьего полёта». Его достоинство – в охвате всего словаря, а недостаток (если это недостаток) – в отсутствии подробностей, частных, деталей. Макро- и Микротипологические подходы в лексике взаимно дополняют друг друга, образуя в совокупности органическое единство инструментария лексико-семантической типологии.

Макротипологический подход использует параметрический анализ лексики (ПАЛ), определяя веса каждого слова в словаре по системообразующим параметрам функциональному (длине), эпидигматическому (числу значений), синтагматическому (числу фразеосочетаний) и парадигматическому (числу синонимов). Суммирование частных весов каждого слова даёт интегральный системный вес слова в словаре, что позволяет ранжировать все слова словаря по их системному весу. Такой подход позволяет определить «главное» слово в словаре (слов с максимальным интегрально-параметрическим весом). Поскольку вес каждого слова зависит от всех остальных слов в словаре, то «главное», именуемое *доминантой словаря*, обладает максимальной классифицирующей силой, вбирая в себя в концентрированном виде весь словарь. Как вер-

шина горы представляет всю гору в целом, так и доминанта словаря способна представлять его в целом.

Возможность взять для анализа любое обозримое количество слов с максимальным интегрально-параметрическим весом, расширяет возможности лексико-семантической типологии.

К кавказским языкам (понимаемым не географически, а лингвистически) ПАЛ до сих пор не применялся. Данное сообщение содержит описание первого опыта такого исследования.

Как известно, кавказские языки делятся на две большие генетические группы: абхазо-адыгские и нахско-дагестанские.

В данном исследовании абхазо-адыгские языки представлены кабардино-черкесским языком, а нахско-дагестанские языки – аварским.

Цель исследования – выявление сходств и различий в малом параметрическом ядре лексики двух кавказских языков.

Объектом исследования являются 1) Кабардино-черкесско-русский словарь М.Л. Апажева и Д.Н. Кокова [Апажев, Коков, 2016] (Декларированный объём словаря – 27.000 слов. Реальный – 25.770 слов) и 2) Аварско-русский словарь. 36.000 слов (редактор – М.М. Гимбатов). – Махачкала: ДНЦ РАН, 2006. – 2096 с. (Декларированный объём – 36.000 слов. Реальный – 10.220 слов)¹.

Предмет исследования: сопоставление результатов параметрической стратификации лексики кабардино-черкесского и аварского языков в объёме малых параметрических ядер.

Типологическую характеристику кавказских языков логично начать с единиц, обладающих максимальной степенью обобщения. Такими единицами являются лексико-семантические доминанты – слова, обладающие максимальным интегрально-параметрическим весом.

Доминантой словаря кабардино-черкесского языка является слово *дзэ I* ‘зуб’, аварского – *бо* ‘народ’.

Язык	Лемма	Дефиниция	Параметры	Д-вес	П-вес	С-вес	Ф-вес	И-вес
КЧ	<i>дзэ I</i>	зуб	ДПСФ	0,9974	0,9599	0,9954	0,9872	3,9398
Ав	<i>бо</i>	народ	ДПСФ	0,9722	0,9920	0,9901	0,9949	3,9493

¹ Анализ «Аварско-русского словаря» осуществлён студенткой 4 курса Отделения теоретической и прикладной лингвистики Воронежского государственного университета Х.Р. Османовой в бакалаврской ВКР [Османова 2018] под руководством д.ф.н., проф. А.А. Кретьова.

Как видим, И-вес (интегральный параметрический вес слов) складывается из частных весов: Д-веса (деривационного веса, косвенно измеряемого количеством значений у слова в словаре), П-веса (парадигматического веса, косвенно измеряемого количеством слов в синонимическом ряду, в который входит данное слово одним из своих значений – обычно, основным), С-веса (синтагматического веса, косвенно измеряемого количеством фразеосочетаний с данным словом в словаре, включая иллюстративные предложения), Ф-вес (функциональный вес, косвенно измеряемый длиной слова в звуках).

Каждый из весов вычисляется по одной и той же формуле:

$$Pr_i = \frac{\sum r - R_{1-i}}{\sum r}$$

где $\sum r$ – сумма слов всех рангов, R_{1-i} – сумма слов от первого ранга до данного, а Pr_i – вес слов i -го ранга. Значения Pr_i колеблются в интервале от 0 до 1. Логика определения веса по этой формуле – «спортивная»: чем меньше участников показало такой же или лучший результат, тем выше место (ранг) данного участника. Вес слов каждого ранга зависит от количества и весов слов всех остальных рангов. Таким образом, каждое из слов в словаре оказывает влияние на вес всех остальных слов по каждому из 4-х параметров. Такой подход резко сужает свободу исследовательского произвола и тем самым повышает научную объективность исследования.

Синтагматический, парадигматический и деривационный (эпидигматический) параметры являются системообразующими для языка, а в совокупности с функциональным параметром – для функционирующего языка.

Вице-доминанты исследуемых языков таковы:

Язык	Ранг	Слово	Значение	Парам.	Д	П	С	Ф	И
КЧ	2	<i>лы</i>	муж, супруг	ДПСФ	0,9669	0,9599	0,9954	0,9872	3,9093
Ав	2	<i>гъэзе</i>	по/ставить- расставить	ДПСФ	0,9949	0,9749	0,9947	0,8652	3,8297

Ближайшей перспективой исследования лексико-семантической типологии кавказских языков является привлечение данных абазинского и чеченского языков.

Ю. А. Ландер
НИУ ВШЭ (Москва)

И. Г. Багиорова
Институт языкознания РАН, НИУ ВШЭ (Москва)

ФАСИЛИТИВ И ДИФИСИЛИТИВ В АДЫГЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ: КОРПУСНЫЕ ДАННЫЕ В СРАВНЕНИИ С ЭЛИЦИТАЦИЕЙ

Известно, что в адыгейском языке идеи легкости и сложности выполнения действия могут быть выражены не только лексически, но и морфологически. Соответствующая грамматическая оппозиция «фасилитив/ дифисилитив» реализуется при помощи суффиксов *гъошлу* и *гъоие*.

Къэ-ло-гъошлу шхъаклэ, а-щ бэ къ-и-кл-рэ-р.

Dir-говорить-Facil но тот-Obl много Dir-Loc-выходить-Dyn-Abs

‘Сказать легко, но в этом много смысла.’

Шульэгъу-р машло, къы-зы-зэ.кла-нэ-клэ, гъэ-кlocэ-гъуай.

любовь-Abs огонь Dir-Rel.Tmp-Loc-загораться-Ins Caus-тухнуть-Dificil

‘Любовь – пламя, когда загорится, сложно погасить.’

Суффикс фасилитива *гъошлу* представляет собой комплекс из грамматикализованных автономных лексических единиц *гъо* ‘время; пора’ и *шлу* ‘добро’, дифисилитив, в свою очередь, образуется сочетанием того же корня *гъо* и существительного *е* ‘зло’.

Согласно [Рогава, Керашева: 297-299] суффиксы “легкости и сложности осуществления действия” присоединяются к основам переходных и непереходных глаголов с обязательным понижением числа глагольных актантов. Принято считать, что при глагольных формах со значением фасилитива и дифисилитива невозможно выражение агенса транзитивного глагола и абсолютивного субъекта при непереходном глаголе. Однако встречаются исключения из этого правила (см. также [Летучий 2006]):

Бзыльфыгъэ-хэ-р а-щ е-сэ-гъуае-х.

женщина-P1-Abs тот-Obl Dat-привыкать-Dificil-P1

Женщинам сложно к этому привыкнуть

В настоящем докладе, используя полевые и корпусные данные, мы пытаемся определить основные синтаксические и семантические контексты функционирования фасилитива/дифасилитива и исследовать вопрос о возможности употребления эргативных агентов и непереходных субъектов в разных контекстах. В частности, выясняется, что фасилитив может выступать не только в значении 'легко', но и в значении 'приятно', синтаксическая дистрибуция фасилитива и дифасилитива может отличаться от дистрибуции обычных глагольных форм (например, внутри именного комплекса).

Литература

Рогава Г. В., Керашева З. И. Грамматика адыгейского языка. Краснодар; Майкоп: Краснодарское книж. изд-во, 1966.

Летучий А. Б. Адыгейская система понижающих и интерпретирующих актантных дериваций. Экспедиционный отчет. М., РГГУ, 2006.

А. Дж. Магомедов
ИЯЛИ ДФИЦ РАН (Махачкала)

М. Е. АЛЕКСЕЕВ О КУБАЧИНСКОМ ЯЗЫКЕ

На различных научных мероприятиях, проходящих в Дагестане и связанных с обсуждением проблем дагестанского языкознания, нередко приходится слышать заявления, что кубачинский – это не самостоятельный язык, а диалект даргинского языка (М.Р. Багомедов, Х.А. Юсупов). Главные их аргументы – это сходство лексики кубачинского языка с лексикой диалектов даргинского языка, а также предположение, что кубачинскую речь понимают носители даргинских диалектов. К сожалению, специальных публикаций у этих оппонентов по теме нет.

Другие исследователи даргинского языка признают, что из даргинских диалектов заметно отличаются кубачинский, кайтагский и чирагский диалекты, «которые по принципу взаимопонимаемости их носителей *можно было бы возвести в ранг близкородственных самостоятельных языков* (выделено нами. – А.М.)» (М.С. Мусаев). Интересна позиция и другого специалиста по дагестанским языкам Б.М. Атаева. Оговорив, что статус кубачинского языка в отношении дихотомии «язык/диалект» еще не определен, он пишет, что его «*хронологическая глубина дает право говорить о самостоятельности кубачинского... в составе даргинской подгруппы* (выделено нами. – А.М.)».

Монографически кубачинский язык еще в 1940-е годы начал изучать кавказовед-лингвист А.А. Магомедов (1917–2004). В начале своих поисков он придерживался точки зрения, что кубачинский язык является диалектом даргинского языка. Книгу свою «Кубачинский язык», вышедшую в Тбилиси в 1963 г., он назвал лишь следуя исторической традиции. Однако в 1999 г. А.А. Магомедов изменил свою позицию. Он стал называть кубачинский язык не диалектом, а отдельным языком даргинской группы языков. Эту мысль он выразил в тезисах доклада «Статус кубачинской речи – язык или диалект», представленной на коллоквиум Европейского общества кавказоведов. Развернутой аргументации своего мнения А.А. Магомедов тогда не дал. Ввиду сложной политической обстановки в Дагестане в 1999 г. (вторжение бандформирований) коллоквиум в Махачкале не был проведен. Был опубликован лишь сборник тезисов заявленных докладов.

С того времени прошло 20 лет. За это время была опубликована статья М.Е. Алексеева (1949–2014) и Е.А. Перехвальской о кубачинском языке. А в последние годы мы с краеведом Набигулой Саидовым-Аккутта также изучали кубачинский язык: в 2010 г. мы издали книгу материалов по кубачинскому языку «Кубачи; Язык и фольклор» (Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН), а в 2017 г. при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований – «Кубачинско-русский словарь» (М.: Наука). Эти работы не состоялись бы без поддержки М.Е. Алексеева, памяти которого посвящена эта конференция. Его консультации и поддержка сыграли важную роль при изучении кубачинского языка и подготовке этих изданий.

Отметим также и то, что за прошедшие десятилетия вырос и уровень теории языкознания. Главный вывод теоретиков, важный с точки зрения заявленной нами темы, звучит так, решение вопроса о том, является ли некоторая языковая разновидность языком или диалектом, относится к «одной из сложных и запутанных проблем лингвистики, последствия которой выходят далеко за её пределы». (См.: Отличие языка и диалекта. URL: <http://mediaknowledge.ru/2c8e6120ac922c05.html>; Различия между языком и диалектом. URL: <http://randevu-zip.narod.ru/europe/graur.htm>). На вопрос, «являются ли два (близкородственных) идиома диалектами или разными языками», как правило, нельзя ответить просто «да» или «нет», не оговаривая, что имеется в виду. Надо руководствоваться социолингвистическими или структурными критериями.

Именно на социолингвистические критерии при изучении кубачинского языка в свое время предлагали ориентироваться М.Е. Алексеев и Е.А. Перехвальская. В своей статье «Кубачинцы и кубачинский (урбугский) язык» они справедливо отмечали, что традиция отнесения кубачинского языка к диалекту даргинского – результат потерь от влияния «партийной науки» советского периода. В тот период «некоторые относительно крупные народности объединяли в ряд более мелких». И потому, по их мнению, «требуется специальное исследование, которое внесло бы определенную ясность в рассматриваемую проблему». М.Е. Алексеев и Е.А. Перехвальская считали, что только лингвистическими критериями, эта проблема не может быть решена. Они писали, что при этом надо учитывать «комплекс факторов: лингвистических, и культурно-исторических, и, наконец, субъективных (наличие определенной традиции)». Преждевременная смерть не позволила М.Е. Алексею завершить планы по дальнейшему изучению кубачинского языка. Очевидно, что исследователям надо продолжить работу над изучением наследия ученого и подготовить, как он предлагал, «специальное исследование» на эту тему.

Из истории известно, что основой для отчуждения кубачинского языка от даргинских диалектов служили социокультурные факторы (политическая обособленность, значительные отличия бытовой культуры кубачинцев от даргинской).

Выскажем и некоторые наблюдения по теме, касающиеся современных тенденций. Они показывают, что в истории развития кубачинцев, как этнической общности, в последние 30 лет, ярко заметно все большее отчуждение их в языковом плане от даргинцев. Кубачинцы как мастеровой этнос все сильнее начинают ориентироваться на городскую культуру. Если в 1970-е годы кубачинцы еще выезжали в райцентры даргинских районов на заработки, сегодня такое уже не наблюдается. Выезжают только в города, где они, приобщаясь уже к русскому языку. В прошлом более тесными, чем сегодня, были контакты носителей кубачинского языка с даргинцами того же Дахадаевского района, где расположено села Кубачи и Ашты. Носители другого говора кубачинского языка – сулевкентского – вообще изолированы от даргинского этноса. Жители села Сулевкент после возвращения из Чечни в 1957 г. поселились в Хасавюртовском районе РД в соседстве с селами, где говорят на кумыкском, чеченском, лезгинском языках.

Сегодня заметно и другое. В конце 1980-х – 1990-е годы несколько тысяч кубачинцев-отходников, выехавших на заработки в республики Средней Азии, Закавказья в 1950–1970-е годы вернулись на историческую родину. Ни они, ни их семьи за редким исключением десятками лет не слышали даргинской речи. В местах отхода они общались, как правило, на русском или местных языках. Десятками лет у них не было не только языковых, но и экономических отношений с земляками-даргинцами. При этом их художественное ремесло все более ориентировалось на горожан. Кубачинские художественные промыслы в 1990-е и в нулевые 2000-е годы по обработке драгметаллов с использованием традиционных технологий все более превращались в явление российского масштаба. В условиях глобализации и унификации бытовой культуры, заметных сегодня и в Дагестане, традиционное искусство с. Кубачи продолжает сохраняться как маркер кубачинской этногруппы, а не даргинцев в целом.

Надо иметь ввиду и то, что современная культурная политика многих стран переориентируется с модели ассимиляции, в которой меньшинства отказываются от своих культурных традиций и ценностей, заменяя их теми традициями, которых придерживается большинство, на мультикультурную модель, где индивид социализируется и к доминирующей, и к этнической культурам.

Д. М. Магомедов
ИЯЛИ ДФИЦ РАН (Махачкала)

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В АВАРСКОМ И ЛЕЗГИНСКОМ ЯЗЫКАХ

В предложениях, выражающих вопрос, голос интонационно повышается на том, слове, которое является наиболее важным в вопросе. Для передачи интонации в вопросительных предложениях в аварском и лезгинском языках тон голоса повышается к концу предложения, в результате чего складывается вопросительная интонация. Например, в аварском языке: *Щив нужсехъе вачIун вукIарав?* (М.Ш.) «Кто к вам приходил?». *Мун жакъайищ росулъа вачIарав?* (М.Х.) «Ты сегодня вернулся из селения?» и т. д.

Лезгинские примеры: *Квез вуч кIанзава?* «Вам что дать?». *Ви тIвар Бэла тушини?* (А.А.) «Вас не Бела зовут? (досл.: «Ваше имя Бэла не есть ли?»)» и т. д.

Если же в предложении нет вопросительного слова, то обычно выделяется то слово, которое в смысловом плане имеет важное значение. Например, в аварском языке: *Дуцайищ тIехъ босараб?* «**Ты** купил книгу?». *Дуца тIехъищ босараб?* «Ты **книгу** купил?». *Босарабищ дуца тIехъ?* «**Купил** ты книгу?». В лезгинском языке, аналогично аварскому, аффикс вопросительной формы может присоединяться к компоненту предложения, актуализируемому также логическим ударением: *Вуна яни ктаб къачурди?* «(Это) **Ты** книгу купил?»; *Вуна ктаб яни къачурди?* «Ты (это) **книгу** купил?»; *Вуна къчунани ктаб?* «Ты **купил** (ли) книгу?». При присоединении аффикса *-ни* к предикату образуется общевопросительное предложение, в других примерах – частновопросительное.

Выделение голосом наиболее важного по смыслу слова в вопросительном предложении называется логическим, или смысловым ударением. В конце вопросительных предложений ставится вопросительный знак (?). Если же предложение произносится с очень сильным чувством, то в конце предложения, как правило, ставятся два знака – вопросительный и восклицательный (!). Например, в аварском языке: *Дуца гъабубеб жоаялъул магIна щиб?!* «Как понимать то, что ты делаешь?!». *Щибха гъабубеб, тIокIав къуричIого чIелаха* (М.Ш.) «Что же делать, буду стоять на своем» и т. д.

Вопрос в лезгинском языке может быть реализован как при помощи специальных вопросительных слов (наречий, некоторых форм глагола, местоимений) и частиц, так и

специальной вопросительной интонацией, характеризующейся усиленным произношением слова, с которым связана семантика вопроса. Кроме того, логически выделяемое слово, как правило, ставится в начале предложения. Например: *Итим, квез кЛани-такЛан?* «Мужчина, вам чего (досл.: вам нужное-ненужное)?»; *Чан ширинда, я чан вахар, чан цIа туна куз жедани?! (Ф.)* «Жить ещё хочется, ах дорогие подружки, а огонь любви сжигает душу (досл.: Жизнь сладка, ах дорогие сёстры, душу в-огонь поместив жечь можно разве)?».

Вопросительное предложение может быть сформулировано при помощи вопросительного слова, а иногда без него. Например, в аварском языке: *Лъар, мун щай гIедегIулэб?(Гъ.Гъ.)* «Речка, **почему** ты торопишься?». *Пикру гъабичIого, щай мун хъвадудев?(ЦI.ХI.)* «**Почему** ты бродишь, не размышляя?» и т. д.

Лезгинские примеры: *Квез вуч кIанзава?(А.А.)* «Вы **чего** хотите?». *Вуна итим вуч вилералди тIуьна куьтягъзава?(А.А.)* «**Что** это ты уставилась на мужчину?».

Смысловая задача вопросительных предложений заключается в том, чтобы передать какой-либо конкретный вопрос. В зависимости от цели вопроса и характера предполагаемого ответа выделяются общевопросительные и частновопросительные предложения. При общевопросительных предложениях можно получить информацию о подтверждении или отрицании. В аварском языке ответом на общевопросительные предложения могут быть только у «да» или *гуро* «нет» (или *гъечIо* «нет»), например: *Гуро, гъитIинаб гъечIо, гъудулзаби, Дагъистан (Р.ХI.)* «Нет, не мал друзья, Дагестан». *ХъахIаб дир кереналда дур гурэб кверцел гъечIо (Хъ.М.)* «На моей белой груди только твое влияние». *Мун рохъовиц вукIарав? У* «Ты был в лесу? **Да**».

В лезгинском языке общевопросительное предложение образуется при помощи вопросительной формы сказуемого, оформленного суффиксом *-ни*: *Вуна тарсар авунвани?* «Ты уроки сделал?». *Дах кIвалахалай хтанвани?* «Отец с работы пришёл?»; *Ваз адан дамах аквазвани?* «Ты его гонор видишь?». В частновопросительных предложениях тот же суффикс оформляет не сказуемое, а другой компонент высказывания: *Дах яни хтайди?* «Это не отец вернулся? (досл.: Отец есть ли вернувшийся?)».

Частновопросительные предложения направлены на получение дополнительной информации об обстоятельствах действия, о действующем лице и т. д. Например, в аварском языке: *Нуж кида рачIинел нижсехъе гъоболлхухъе?* «Вы когда придете к нам в гости?». *Ришдал дуца щиб гъабизе бугеб?* «Что ты будешь делать летом?». *КечI ахIичIого халкъги букIиницха?(М.Ш.)* «Народ разве обойдется без песен?» и т. д.

В лезгинском языке такие высказывания строятся аналогичным образом: *Вуна зи ктаб мус хкида? (С.)* «Ты мою книгу когда вернёшь?». *Вуж я ваз а гаф лагбайди? (С.С.)* «Кто тебе такое сказал?».

В вопросительных предложениях аварского языка вопрос передается сочетанием вопросительного местоимения *циб?* «что?» и вспомогательного глагола *гьабизе* «делать» в форме III грамматического класса, например: *Щиб гьабилеб рагIуда, гIишкьушавкь цIикIкIун бугин (Хъ.М.)* «Что поделат со словом, страсть увеличилась».

Как правило, вопросительное слово обычно занимает начальную позицию в предложении. Например: *Щиб мацIалъ гIарза хъвалеб, бичIчуларин нильер мацI?! (Хъ.М.)* «На каком языке писать жалобу, не поймут нашего языка?!». Однако встречаются случаи, когда вопросительное слово встречается в любой позиции, например: *ТIадаб налги щиб нильер? / Бергьенлги ялгуни хвел! (ЦI.ХI.)* «**Каков** наш долг? Победа или смерть!». *Гьарани, гIалхул чан чучулеб дунял, / Дурги кереналда кинаб ракI бугеб? (Хъ.М.)* «Если попросить даже дикая лань покорится, **какое** же сердце в твоём груди?».

Обычно в вопросительном предложении выступает одно вопросительное слово.

В аварском языке частица *-дай* может служить формальным средством для выражения риторического вопроса. Например: *Жакъа Москваялда цIад балеб бугин, / ЦIада шагьаралда щибдай бугеб хIал? (ЦI.ХI.)* «Сегодня в Москве идет дождь, какое же положение в городе Цада?». *Ячинин абурал чарал рагIабаз / Чан дун гIадинойдай гIадал гьаюрай? / Гьарилин абураб кIалзул гьуриаль / КIазикъ берал чалух чандай гIодарай? (Хъ.М.)* «Обещав жениться на словах, скольких девушек, как меня, ты обманул? Обещав засватать на словах, сколько же прекрасных девушек пролили слезы?».

Вопросительные предложения в аварском языке иногда могут использоваться в побудительной функции, как правило, для выражения просьбы. Например: *Дун къаси досда аскIой тезе бегьилариц, тохтур? (М.М.)* «Нельзя ли мне ночью остаться рядом с ним, доктор?».

Значение исследования грамматического строя вопросительных предложений в аварском и лезгинском языках имеет важное значение, так как мы каждый день сталкиваемся с вопросительными предложениями и важно избежать многочисленных ошибок в устной и письменной речи, которые возникают на базе сложившихся стереотипов родного языка.

Принятые сокращения

А.А. – Ахед Агаев, Гъ.Гъ. – Газимагомед Галбацов, М.М. – Муса Магомедов, М.Ш. – Магомед Шамхалов, Р.ХІ. – Расул Гамзатов, С.С. – Сулейман Стальский, Ф. – фольклор, Хъ.М. – Махмуд из Кахаб-росу, ЦІ.ХІ. – Гамзат Цадаса

М. И. Магомедов
ИЯЛИ ДФИЦ РАН (Махачкала)

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ В ДАГЕСТАНЕ

С этнолингвистической точки зрения Республика Дагестан представляет собой нетипичный для других регионов России полиэтничный феномен. Языковое многообразие, среда и малая территория, на которой представлено большое количество близкородственных и неродственных языков характеризуют Дагестан как уникальное явление даже в мировом масштабе.

Этнолингвистическое своеобразие Дагестана состоит еще и в том, что здесь, как в большинстве национальных образований Российской Федерации, нет ни титульной нации, ни титульного языка.

В Дагестане насчитывается 32 языка. Сюда входят не только так называемые «младописьменные» (получившие статус литературных лишь в советское время) языки Дагестана (аварский, даргинский, кумыкский, лакский, лезгинский, ногайский, табасаранский, татский), так называемые «новописьменные» (т. е. языки, получившие письменность в 1990 г.), языки малочисленных народов (агульский, рутульский, цахурский), но и все бесписьменные языки Дагестана (андийский, арчинский, ахвахский, багвалинский, бежтинский, ботлихский, гинухский, годоберинский, гунзибский, каратинский, тиндинский, хваршинский, цезский, чамалинский).

В настоящее время только русский язык успешно выполняет свою государственную функцию в полной мере, оставаясь при этом единственным языком межнационального общения в Дагестане. Ни один другой язык в Дагестане, как бы он ни декларировался, не выполняет и не может выполнять высокую миссию – быть государственным языком. Ни на одном из языков Дагестана в республике не говорит хотя бы треть населения. Ни один язык Дагестана, кроме русского (которым владеет свыше 90% населения), не является языком, объединяющим все дагестанское общество.

Известно, что для большинства народов Дагестана исторически было характерно многоязычие. Здесь издавна существовало несколько языков межнационального общения регионального типа. В различные периоды языковой ситуации в Дагестане на ее территории выделялось несколько регионов со сложившимися языковыми особенно-

стями. Каждый регион обладал своей спецификой развития и характеризовался функционированием определенного языка общения. Так, в Южном Дагестане в качестве второго языка общения выступали азербайджанский и лезгинский языки. В Северном и Центральном Дагестане таким языком был кумыкский, в контактах андо-цезской группы этносов языком общения всегда выступал и выступает аварский язык.

Поскольку дагестанским языкам присвоен статус государственных языков, Закон «Об образовании» подразумевает изучение родного языка в качестве обязательного предмета в образовательных учреждениях, в которых обучение ведется на русском языке. Обязательное обучение в школах родному языку их носителей прописано в Конституции РД.

К сожалению, в Дагестане пока нет ни концепции развития дагестанских языков, ни какой-либо другой программы их развития, ни финансирования на их реализацию. Более того, в 2017–2018 учебном году в Республике Дагестан около 800 мононациональных сельских школ перешло на русский язык обучения. Это серьезное нарушение прав ребенка на получение образования в начальной школе на родном языке. Еще раз подчеркиваем, что речь идет не о городских школах.

Жизнеспособность языков малочисленных народов Дагестана зависит не только от законодательных документов, их реализации в рамках законов, но и от других обстоятельств. В частности, начавшийся со второй половины XX века процесс переселения горцев на равнину имел негативные последствия для всех дагестанских языков и культуры. Здесь по нашим данным в среднем от 40 до 50 % людей от каждого коренного народа (а от лакцев – более 75 %) живут в городах и находятся «в зоне повышенного риска» – они во втором-третьем поколении, по сути, полностью отрываются от родного языка со всеми вытекающими отсюда последствиями. Городские жители (аварцы, даргинцы, кумыки и т. д.) за исключением тех, кто в свое время учился в сельской школе, не умеют ни читать, ни писать на родном языке. Конкретные социолингвистические исследования (а они проводились Институтом языка, литературы и искусства по многим параметрам и в нескольких ракурсах) и анализ статистических данных показали, что во втором-третьем поколении городские дагестанцы не читают и не пишут на своих родных языках.

Процесс миграции населения с гор на равнину касается как «больших», так и «малых» народов. В этой ситуации дагестанские языки подвержены большому риску, так как вне своей исторической родины они не смогут выжить. По данным наших ученых,

до 92 % школьников в Махачкале не владеют дагестанскими языками. Это серьезный и тревожный сигнал.

В Дагестане из года в год сужаются сферы влияния родных языков. О недостаточном использовании дагестанских языков в сфере образования говорит тот факт, что до сих пор отсутствуют какие-либо нормы по использованию родных языков в дошкольных образовательных учреждениях Республики Дагестан, что противоречит концепции полилингвального образования, одобренной Правительством РФ, которая предполагает обязательное введение родного языка, начиная с младшей группы дошкольных образовательных учреждений.

Основополагающим принципом функционирования модели поликультурного образования является применение родного языка в роли языка обучения и изучения. С другой стороны, русский язык, охватывая российское образовательное пространство, общественно-политическую, хозяйственную и духовную жизнь федеративного государства, выступает первостепенно важным в роли одного из языков обучения и изучения. Приведенный выше подход дает возможность одновременно сохранить фундаментальные образовательно-воспитательные функции родного языка, при этом специфически усиливая роль русского языка, делая его активным посредником при функционировании родного языка и эффективным катализатором диалога культур.

Для формирования родной речи и языковой культуры, необходима языковая среда – дети должны постоянно слышать родную речь. Однако эфирное время на родных языках мизерное: в Республике Дагестан на радиовещание на национальных языках выделяется около получаса ежедневно, на телевидении – всего по одному часу в неделю.

Для полноценного развития родные языки должны стать языками фильмов, мультфильмов, интернета, современной качественной литературы и цифрового телевидения и т. д.

К сожалению, до сих пор не принят Закон «О языках народов Дагестана», где можно было бы предусмотреть меры по сохранению и развитию языков народов Дагестана. Важными представляются также разработка и финансирование республиканских целевых программ, реализация которых приведет к изданию художественной, научной, учебной и учебно-методической литературы на языках народов Дагестана.

В процессе выработки практических решений и принятия системы мер, представляющих собой основу языковой политики, важным источником является социолингвистическая информация. Языковая политика оказывает значительное влияние на этническую, экономическую и общественную обстановку в регионе. Однако и её эффектив-

ность зависима от перечисленных выше условий развития языка и общества, а результаты социолингвистических исследований в стране – от характера языковой ситуации в том или ином регионе РФ. При этом важную роль играет фактор отношения власти к проблемам языков.

М. А. Магомедов
ИЯЛИ ДФИЦ РАН (Махачкала)

МОРФОЛОГИЧЕСКОЕ ВЫРАЖЕНИЕ РАЗУМНОСТИ/НЕРАЗУМНОСТИ (ЛИЧНОСТИ/НЕЛИЧНОСТИ) В МЕСТОИМЕНИЯХ АВАРСКОГО ЯЗЫКА

Деление по признаку разумности и неразумности может быть как семантическое, так и морфологически выраженное. Семантическая оппозиция разумности/неразумности в вопросительных местоимениях имеет место как в тех дагестанских (и вообще кавказских) языках, в которых нет категории грамматического класса, так и в тех, в которых она представлена. В лезгинском, агульском, удинском и грузинском языках нет категории гр. класса, и в них, естественно, нет противопоставления вопросительных местоимений по этой категории. Но в цезских языках, в которых категория гр. класса имеется, вопросительные местоимения также не имеют классового противопоставления. В обоих типах языков косвенная основа данных местоимений супплетивна (кроме грузинского).

Морфологические показатели разумности и неразумности в местоимениях аварского языка представлены в формах косвенных падежей и находятся в позиции префиксальных показателей грамматических классов: *ссун* – “кто”, *льльи* – “что” (Ср. *щи(в, й)* “кто” I-II кл., *щи-б* “что” III гр. кл., *ща-л* кто? (мн.ч.). Такую семантическую “нагрузку” показатели *сс* и *льль* этих форм получили раньше, чем I гр. класс (т.е. класс “человека, вообще”) разделился на “класс мужчин” и “класс женщин” (Чикобава, Церцвадзе).

Падежные аффиксы эргатива *-асс* и *-альль* содержат те же элементы *сс* и *льль*, что и косвенные формы вопросительных местоимений *ссун* и *льльи*. Но первые, в отличие от последних, служат для выражения “класса мужчины” (*вас-асс* “мальчик”) и всего остального (*йас-альль* “девочка”, *рукь-альль* “дом”), в том числе, конечно, и “класса женщин”.

Семантически форманты *сс* и *льль* в косвенных формах диаметрально противоположны суффиксам эргатива. Если в косвенных формах местоимений формант *льль* участвует в передаче значения “человек”, в падежных аффиксах, которые сами являются падежными формами указательных местоимений, данный формант передает значение

“все, кроме мужчины”. Такое же соотношение между основой *ссун*- и формантом *-асс*. Семантическое противопоставление понятий “человек//все остальное” (срав. рус. *кто?*, *что?*) считается в кавказских языках более древним, чем противопоставление “мужчина//все остальное”. Косвенная основа *ссун* вопросительного местоимения аварского языка имеет генетические параллели не только в андийских и цезских близкородственных, но и в других кавказских языках напр. лак. *сса*-, дарг. *си*-, бацб. *стIен*-, адыг. *сыг*-, древнегруз. *са*-.

Морфологическое противопоставление разумности/неразумности сохраняется в аварском языке и в формах множественного числа. Если к человеку ставится вопрос *щал* “кто?” (множ. число), то ко всему остальному (неразумным, неживым) ставится вопрос *щал жал* “что за...?” (неразумные существа, предметы), где *жал* – форма мн. числа отвлеченного имени существительного *жо* “вещь, предмет”. Аварский язык не располагает аналитической формой вопросительного местоимения множественного числа для обозначения неразумных существ и предметов.

Разные аффиксы эргатива в аварском языке (*-цца*, *-сс*, *-льль*: два последние рассматриваются некоторыми исследователями в качестве суффиксов косвенной основы) отражают как классно-числовое противопоставление, восходящее к противопоставлению разумных и неразумных, так и противопоставление активного и пассивного начала, которое восходит, видимо, не к оппозиции “разумные ~ неразумные” а к родовым понятиям “самец ~ самка”. Это подтверждается, на наш взгляд, и невозможностью образовать форму эргатива от названий некоторых живых существ по типу *-цца*, если формы данного типа рассматривать в качестве единственных “настоящих” форм эргатива (Ср. *гIанкIу* “курица” – эрг. *гIанкIу-й-альль*, нельзя – *гIанкIу-цца*, *чIчIужу* “жена, женщина” – эрг. *чIчIужу-й-альль* и др.).

К ВОПРОСУ О «НЕПРАВИЛЬНЫХ» ГЛАГОЛАХ АВАРСКОГО ЯЗЫКА

Глагол аварского языка располагает большим количеством аналитических временных форм и только тремя синтетическими формами. Каждая синтетическая временная форма конституируется четырьмя категориальными формантами, выбор которых строго зависит от типа спряжения и типа структуры корневой морфемы.

Исключение составляют глаголы (по нашим подсчетам их 17 единиц) в которых сочетаются признаки как первого так и второго спряжения. Это первичные глаголы с моноконсонантной корневой морфемой и с тематическим гласным *-e-* в структуре инфинитива. Десять из них образуют прошедшее законченное время посредством форманта *-уна*:

- 1) *цI-e-ze* «наполняться» – *цI-уна* «наполнил»;
- 2) *тI-e-ze* «отрывать»; «наливать» – *тI-уна* «оторвал», «налил»;
- 3) *лъ-e-ze* «класть» – *лъ-уна* «положил»;
- 4) *гъ-e-ze* «приделать» – *гъ-уна* «приделал»;
- 5) *ккв-e-ze* «держать», «поймать» – *кк-уна* «поймал»;
- 6) *кь-e-ze* «проиграть» – *кь-уна* «проиграл»;
- 7) *кь-e-ze* «дать» – *кь-уна* «дал»;
- 8) *хх-e-ze* «продеть» – *хх-уна* «продел»;
- 9) *хъв-e-ze* «зарезать» – *хъ-уна* «зарезал» (диал. *хъв-ана*);
- 10) *гI-e-ze* «расти» – *гI-уна* «вырос».

Семь лексем – посредством форманта *-ана*:

- 1) *ккeze* «случиться» – *кк-ана* «случилось»;
- 2) *теze* «оставить» – *т-ана* «оставил»;
- 3) *чIчIeze* «стоять» – *чIчI-ана* «стоял»;
- 4) *цвезе* «приходить» – *цв-ана* «пришел»;
- 5) *хвезе* «умереть» – *хв-ана* «умер»;
- 6) *кIвезе* «мочь» – *кIв-ана* «(с)мог»;
- 7) *хъезе* (диал.) «успокоиться» – *хъ-ана* «успокоился».

В авароведении существует мнение, объясняющее появление форманта *-уна-* вместо ожидаемого *-ана-* исторической лабиализацией корневого согласного, которая и ныне сохранилась в структуре соответствующих глаголов в диалектах аварского языка и в близкородственных андийских языках. Так, например, литературной форме *mIze* «рвать» в андалальском диалекте соответствует форма *mIvede* «рвать», в чамалинском и багвалинском языках – *betIva* (в андийских языках сохранился классный показатель *бе-* в структуре данного глагола).

В принципе соглашаясь с очевидным фактом наличия исторически лабиализации в коревых согласных, трудно согласиться с мнением об обусловленности появления форманта аориста *-уна* (у глаголов с моноконсонантным корнем и с тематическим гласным *-е-* в структуре инфинитива) лабиализацией, по той простой причине, что среди глаголов той же структуры, образующих форму прошедшего времени посредством форманта *-ана*, есть глаголы с лабиализованными корневыми согласными, например: *цвезе* «приходить» – *цв-ана* «пришел»; *хвезе* «умереть» – *хв-ана* «умер»; *кIвезе* «мочь» – *кIв-ана* «(с)мог». Таким образом, однозначно можно утверждать, что лабиализация корневого согласного не влияет на выбор форманта (прошедшего) времени.

Сам факт, что структурно идентичные глаголы спрягаются по разным типам, свидетельствует о неоднородности природы этих глаголов. Значит, в процессе исторического развития в структуре этих глаголов произошли определенные изменения, которые привели в конечном итоге к материальной идентичности их структур. Учитывая отсутствие письменных памятников, по которым можно было бы проследить историю этих изменений, оптимальным путем является обращение к материалу наиболее реликтовых диалектов, который позволит пролить свет на процесс преобразования данных глаголов.

Структурная особенность глаголов I спряжения с тематическим гласным *-е-* в форме инфинитива заключается в том, что у них основа совпадает с корнем (что не является правилом для аварского глагола), а корневая морфема, как правило, представлена единственным согласным звуком: *т-е-зе* «оставить», *кк-е-зе* «случиться», *кь-е-зе* «дать», *ккв-е-зе* «держаться», *хв-е-зе* «умереть» и др.

Те глаголы, которые в прошедшем времени имеют формант *-уна*, образуют форму императива посредством суффикса *-е*, например:

цI-е-зе «наполняться» – *цI-уна* «наполнил» – *цI-е!* «наполни!»;

тI-е-зе «отрывать»; «наливать» – *тI-уна* «оторвал», «налил» *тI-е!* «оторви!», «налей!»;

ль-е-зе «класть» – *ль-уна* «положил» – *ль-е!* «положи!»;

ккв-е-зе «держать», «поймать» – *кк-уна* «поймал» – *ккв-е!* «поймай» и т.д.

Выявить причину различного образования временных и модальных форм одноклассными глаголами можно лишь опираясь на данные реликтовых диалектов и говоров. Наиболее реликтовые – это диалекты южного наречия – анцухский, карахский и закательский. Закательский диалект, оказавшись под сильным влиянием азербайджанского языка, отчасти утратил или изменил первоначальные формы, которые сохранились в анцухском и карахском диалектах. В анцухском диалекте все глаголы первой группы содержат в структуре формы инфинитива согласный *-л*:

лит. *ккeze* «случиться» – анц. *кк-е-л-зи*;

лит. *теze* «оставить» – анц. *т-е-л-зи*;

лит. *чIчIeze* «стоять» – анц. *чIчI-е-л-зи*;

лит. *щвеze* «приходить» – анц. *щв-е-л-зи*;

лит. *хвеze* «умереть» – анц. *хIв-е-л-зи*;

лит. *кIвеze* «мочь» – анц. *кIв-е-н-зи*.

Только глагол *кIвеze* «мочь» имеет в структуре инфинитива в анцухском диалекте сонорный *-н-* – *кIв-е-н-зи*. Сонорный *-н-* в структуре форманта инфинитива является показателем архаического или второго типа спряжения (спряжения на *-н-*). Боковой *-л-* является регулярным соответствием *-н-*.

Некоторые говоры карахского диалекта сохранили более ранние формы этих глаголов с содержанием *-н-* в структуре инфинитива: *кк-е-н-зи*, *т-е-н-зи*, *чIчI-е-н-зи*, *щв-е-н-зи*, *хIв-е-н-зи*, *кIв-е-н-зи* и т.д. В карахском диалекте представлены три форманта прошедшего времени. Глаголы первого спряжения (сюда входит преобладающее большинство глаголов) образуют форму простого прошедшего времени посредством форманта *-ур* (основы с согласным ауслатом) и *-р* (основы с гласным ауслатом). Глаголы второго спряжения (сюда входит меньшая часть глаголов) образуют форму простого прошедшего времени посредством форманта *-а*.

В анцухском диалекте представлены два форманта прошедшего времени: *-ри* (для большинства глаголов) и *-а* (для меньшей части глаголов), распределение по типам спряжения такое же как и в карахском диалекте. В обоих диалектах исследуемые нами глаголы образуют прошедшее время посредством форманта *-а*: *щвензи* – *щв-а* (лит. *щвана*) «пришел»; *квензи* – *кв-а* (лит. *кванана*) «съел»; *къези* – *къ-а* (лит. *гъекъана*) «выпил» и т.д.

Таким образом материал реликтовых диалектов аварского языка (анцухского и карахского) позволяет выявить, что часть глаголов структуры $C+eze$, формально относящихся к первому типу спряжения, образуют временные формы по типу второго спряжения. В этих диалектах исследуемые нами глаголы относятся ко второму типу спряжения. Значит, в литературном языке произошла нивелировка форм инфинитива, по закону «давления системы». Ограниченное количество глаголов приняли формант инфинитива, как у преобладающего большинства глаголов, но спряжение осталось прежним.

АКТАНТНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В КАУЗАТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ КАДАРСКОГО ЯЗЫКА¹

Кадарский язык относится к даргинской ветви нахско-дагестанских языков и распространен в северной части даргинского ареала, в окружении аварского и кумыкского языков. Каузативные конструкции получили в кадарском, как и в других даргинских идиомах, широкое распространение. Они характеризуются тем, что при присоединении к глаголу показателя каузатива происходит увеличение числа обязательных актантов исходной ситуации.

Можно выделить несколько факторов, влияющих на агентивность каузатора в подобных конструкциях: а) тип исходной конструкции (номинативная, эргативная, аффективная, антипассивная); б) семантический тип каузатива (фактитивный, пермиссивный); в) роль агенса в исходной конструкции с двухвалентным глаголом.

Морфологическим показателем каузатива в кадарском служит суффикс *-aq*. При его присоединении к нуль-валентному глаголу в предложении появляется новый актант в эргативе, который выступает в роли Неочевидного (или Метафорического) Агенса – он не в состоянии ни воздействовать на природу, ни противостоять ей:

Š:adikib «Рассвело».

Ruq'ijatli risule š:adikaqib «Рукият (всю ночь) плакала, и рассвело».

При образовании каузатива от непереходного глагола новый актант принимает форму эргатива. Его семантическая роль зависит от фактитивного или пермиссивного значения. При фактитивном значении он выступает в роли Агенса, а в пермиссивном – в роли Ненамеренного Агенса. S-актант исходной структуры, функционирующий в форме номинатива, становится Пациентом, падеж его при этом не меняется:

Idris ajzun «Идрис встал».

Muradli Idris ajzaqun «Мурад заставил/позволил Идрису встать».

Каузативная деривация конструкции с двухвалентными глаголами зависит от характера исходного актанта в эргативе. Исходный актант в эргативе может быть трех

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-012-00718 «Документирование кадарского языка: грамматический очерк, тексты, словари».

видов: Агенс (одушевленный субъект), Агенсоподобный актанта (неодушевленный субъект), Эффектор (природная сила, вызывающая изменение в состоянии пациенса). В зависимости от агентивности нового актанта, в каузативной конструкции они могут выступать в различных семантических ролях.

Канонический тип каузации двухвалентного переходного глагола в кадарском характеризуется тем, что новый участник ситуации принимает форму эргатива и становится Агенсом, а актанта в форме эргатива исходной структуры приобретает форму инлатива:

ʔaʕmadli kawat belk'un «Ахмед написал письмо»

uʕitijni ʔaʕmadize kawat belk'aqun «Учитель заставил Ахмеда (позволил Ахмеду) написал письмо».

При каузации 2-валентного глагола, исходный актанта которого стоит в эргативе и является Агенсоподобным участником падеж не меняется: новый актанта в эргативе может выступать в роли Агенса или Ненамеренного Агенса, а актанта исходной конструкции выполняет функцию Инструмента:

peʕli qali wanabarib «Печка обогрела комнату»

Saʕʔidli peʕli qali wanabaraqib «Саид печкой (намеренно или непроизвольно) обогрел комнату».

Падеж исходного актанта в эргативе не меняется также при каузации двухвалентного глагола, исходным актанта которого выступает Эффектор – природная сила, вызывающая изменение в состоянии пациенса. Исходный актанта в эргативе при этом имеет лишь пермиссивное значение и выступает в роли Малефактива: действие происходит помимо его воли, он не может воздействовать на ситуацию, не способен воспрепятствовать созданию этой ситуации:

ʕʕat' ʔaʕt'bak'ib «Дерево упало».

buk'mali ʕʕat' ʔaʕt'bak'aqib «Ветер свалил дерево».

Ibrahimli buk'mali ʕʕat' ʔaʕt'bak'aqib «Ибрагим допустил, чтобы ветер свалил столб».

При каузации аффективного глагола новый актанта в эргативе может выполнять функцию Агенса или ненамеренного Агенса, падеж и семантическая роль Экспериенцера в дативе остаются неизменными:

itis sual hanbikib «Он вспомнил вопрос».

Alyasli itize sual hanbikaqib «Алхас напомнил ему вопрос».

В кадарском возможна также каузация аффективного глагола без выраженного пациенса; при этом новый актант в эргативе может выступать лишь в роли Ненамеренного Агенса, он не может контролировать ситуацию, а экспериенцер в дативе может подвергаться сокращению:

nam anc'uxun «Мне стало скучно».

nuni anc'uqaqunra «Ситуация сложилась так, что мне стало (сделалось) скучно».

При каузации глагола антипассивной конструкции новый Агенс контролирует ситуацию, и пермиссивное значение сведено к нулю:

urš:ili aziq bukule (caj) «Мальчик ест хлеб».

urš:i aziqli ukule caj «Мальчик ест хлеб (Мальчик наедается хлебом)».

nešli urš:i aziqli ukaqule cari «Мать кормит сына хлебом».

Таким образом, новый актант в эргативе в каузативных конструкциях кадарского языка может выступать не только в свойственной ему семантической роли Агенса, но и выполнять функцию Ненамеренного Агенса или Малефактива. Сильный каузатор всегда имеет семантическую роль Агенса и функционирует в эргативной и антипассивной конструкциях, в которых исходный одушевленный Агенс переходит в ин-латив. Слабый каузатор может выступать в семантической роли Малефактива, Неочевидного или Ненамеренного Агенса в следующих ситуациях: а) при каузации нуль-валентного глагола, б) в эргативной конструкции с исходным Эффектором, в) при каузации аффективного глагола с невыраженным пациенсом.

П. Л. Наследскова
НИУ ВШЭ (Москва)

ИМЕННАЯ ГРУППА В РУТУЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

Основной целью настоящей работы было определить внутреннюю структуру именной группы рутульского языка (лезгинская ветвь, нахско-дагестанская языковая семья). Основные исследовательские вопросы: (i) возможные в рутульском языке модификаторы, (ii) порядок модификаторов внутри именной группы и (iii) выражение синтаксической зависимости между элементами именной группы.

Материалом для исследования послужили тексты и данные элицитации, собранные в селе Кина (Рутульский район, Дагестан) в ходе экспедиций 2016–2019 гг.

В ходе исследования получены следующие результаты.

(i) *Возможные модификаторы*

Модификаторы, описанные для других вариантов рутульского языка (Alekseev 1994: 237–238) и для других кавказских языков (Ganenkov, Maisak 2019), встречаются и в кининском рутульском. Среди них: прилагательные, посессоры, демонстративы и числительные. Кроме того, было доказано существование неопределённого артикля в рутульском языке.

(ii) *Порядок модификаторов в именной группе*

Как и в других кавказских языках (Testelec 1997: 274), рутульская именная группа левоветвящаяся. Порядок модификаторов следующий:

(1) посессор + дем. + числ. + прил. + абсолютное сущ. + **вершина**

В текстах наблюдается тенденция к данному относительному порядку модификаторов, но он не является абсолютно строгим: в текстах встречаются также и его нарушения. Кроме того, в текстах встречаются контексты, в которых модификатор следует за вершиной. Согласно (Testelec 1997: 274), постпозиция модификатора несёт на себе дополнительную семантику (фокусную, контрастивную или рестриктивную). Наличие и тип дополнительной семантики при постпозиции модификаторов в рутульском языке является вопросом для дальнейшего исследования в будущей полевой работе.

(iii) *Выражение синтаксической зависимости внутри именной группы*

подавляющее большинство модификаторов не согласуется с вершиной. Среди несогласующихся модификаторов встречаются как те, которые могут выступать зави-

симым именем без дополнительных морфологических преобразований (абсолютивные существительные, кванторы), так и те, которым необходим атрибутивный суффикс, чтобы стать зависимым (прилагательные, посессоры, относительные предложения). Пространственные наречия лексически распределены по этим двум группам. В отдельную подгруппу выделяются также демонстративы, атрибутивное маркирование которых опционально при модификации существительного.

- (2) *mi(-d)* *riš-e-s*
 this(-ATTR) girl-OBL-DAT
 ‘этой девочке’

Единственная группа модификаторов, согласующаяся с вершиной в рутульском языке – числительные, причём поведение количественных и порядковых числительных различается. Количественные числительные согласуются по классу с вершиной, если вершина стоит в абсолютивном падеже, и требует при себе атрибутивного суффикса при вершине в косвенном падеже:

- (3) *xib-di* *χinχi-s* *xib* *χiʳ* *hiwi-r*
 three-ATTR boy.PL-DAT three.3 pear(3) 3.give.PFV-CVB
 ‘Даёт три груши трём мальчикам.’

Порядковые числительные согласуются с вершиной в любом падеже, при этом наличие атрибутивного суффикса тоже обязательно.

- (4) *južur=na* *juq'u-d-xus-di* *sida*
 ninety=AND four-4-ORD-ATTR year(4).IN
 ‘в девяносто четвёртом году’

Литература

Alekseev M. E. Rutul. In: R. Smeets (ed.) *Indigenous languages of the Caucasus*. V. 4, P. 2. Delmar. NY: Caravan books, 1994.

Ganenkov D., Maisak T. Nakh-Dagestania languages. In: Polinsky M. (ed.), *The Oxford Handbook of the Languages of the Caucasus*. Oxford: Oxford University Press, to appear 2019.

Testelec Ja. G. Word order in Daghestanian languages. In: Siewierska A. (ed.), *Constituent order in the languages of Europe*. Mouton, Berlin, 1997.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ БАЗА ДАРГИНСКИХ ИДИОМОВ: ОПЫТ СОЗДАНИЯ, СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ

С 2018 года ведется работа над проектом Dargwa Dictionary Project, цель которого – создание компьютерно-лексикографической базы даргинских идиомов.

В настоящее время спроектирована и построена SQL-архитектура базы данных. Онлайн-интерфейс, через который пользователь сможет осуществлять запросы, находится в разработке и предположительно будет выведен в общий доступ в 2020 году.

Сейчас база включает материалы тантынского (ок. 2000 лексем) и муиринского (ок. 500 лексем) диалектов, но ее архитектура предполагает неограниченное расширение как по объему лексики, так и по количеству представленных идиомов. В ближайшей перспективе планируется добавление литературного даргинского (акушинского), ицаринского, кубачинского и др. идиомов (3–5 тыс. лексем для каждого).

В сфере кавказоведения это первый масштабный проект такого типа: несмотря на существование печатных и цифровых словарей, корпусов и словников отдельных диалектов [Словарь мекегинского диалекта; Санжинско-русский словарь; Мудрак 2016], отсутствует платформа, которая объединяла бы эти ресурсы и позволяла проводить сравнительно-исторические и типологические исследования.

В докладе будет приведено лингвистическое обоснование решений, принятых нами при проектировании архитектуры базы и структуры словарной статьи. В частности, двухосновным склонением даргинских имен объясняется внесение в базу формы эргатива единственного числа, на основе которой в большинстве диалектов можно построить именную парадигму. При этом, поскольку прямая основа существительных совпадает со словарной формой слова (формой названия предметов вне контекста) единственного и множественного числа (*aba* ‘мать.ABS.SG’ – *ab-ni* ‘мать.ABS.PL’ (муир.)), две абсолютные формы также включаются в статью.

Характерная черта даргинских глаголов – наличие у подавляющего большинства двух корней: совершенного и несовершенного вида, которые, как правило, фонетически

схожи, но соотносятся нерегулярным образом (*at'iz̄* ‘вонзиться’ – *alt'iz̄* ‘вонзаться’; *biq:iz̄* ‘принести’ – *biq:iz̄* ‘нести’ (тант.)).

Наличием видовых пар мотивировано присутствие в структуре статьи форм, демонстрирующих каждый из корней: это форма 3 л. претерита, образованная от корня совершенного вида (*u-r<d>iš-ib* ‘спрятал’ (муир.)), и форма презенса от основы несовершенного вида (*b=irc-u-li=sai* ‘продает’ (муир.)).

Одна из наиболее актуальных для сравнительно-исторического языкознания функций мультидиалектной базы данных – поиск когнатов. В нашем случае он осуществляется с помощью отдельных таблиц, содержащих уникальные индексы глагольных и именных корней из заранее составленного списка и связанных с таблицей лемм отношением «многие ко многим». Таким образом, присвоенный каждому корню идентификатор позволяет находить как однокоренные слова, так и когнаты. У пользователя есть возможность задать поиск по конкретным диалектам или частям речи.

База предназначена для использования как лингвистами, так и обычными носителями даргинских идиомов, поэтому необходимо было создать интуитивно понятный и удобный для непрофессионала интерфейс, позволяющий, тем не менее, осуществлять сложные лингвистические запросы. Это реализовано при помощи двух режимов поиска: в «стандартном» пользователь выбирает только диалекты, а результаты запроса выводятся в привычном для даргинцев кириллическом написании; в «профессиональном» поиске можно выбрать тип запроса (поиск по лемме или переводу, поиск синонимов, поиск однокоренных слов в том же диалекте или когнатов) и отфильтровать его результаты, указав желаемую часть речи, грамматическую форму, тип управления. Словоформы выводятся в транскрипции и с морфемным членением.

Таким образом, база представляет из себя как инструментарий для специалистов в сфере сравнительной лексикографии и лексикологии, так и диалектный словарь для носителей языка.

С лингвистической точки зрения сопоставительная база идиомов – это возможность исследовать влияние диалектов друг на друга, судьбу заимствований из тюркских, арабского, персидского, русского языков, пришедших в разные диалекты в разное время, лингвистические процессы, связанные с урбанизацией и развитием технологий.

Литература

Мудрак 2016 – Мудрак О. А. Даргинские основы. Этимологический словарь. Москва: Языки народов мира, 2016

Словарь мекегинского диалекта [Электронный ресурс].

URL: <https://www.mekegi.com/dictionary/mekegi/> (дата обращения 15.06.2019)

Sanzi Dictionary [Электронный ресурс].

URL: <http://www.kaukaz.net/dargwa/sanzhi/index-russian/index.htm> (дата обращения 15.06.2019)

Д. С. Степина
ИЛИ РАН (Санкт-Петербург)

О ПРОБЛЕМЕ ВЫДЕЛЕНИЯ МОДАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ В ТАЛЫШСКОМ ЯЗЫКЕ АЗЕРБАЙДЖАНА

Модальные глаголы являются важным элементом модальных систем во многих языках мира, выражая центральные модальные значения, такие как необходимость и возможность. В талышском языке с помощью этой категории глаголов выражаются важнейшие семантические зоны модальности (в докладе я буду придерживаться подхода к классификации модальных значений, предложенного в работе В.Плунгяна и J. van der Auwera [van der Auwera & Plungian 1998:80-81]). Однако в известных описаниях талышского языка понятия модальных глаголов не встречается¹. Целью доклада является рассмотрение проблемы выделения модальных глаголов из общей категории глаголов на материале талышского языка.

Несмотря на то, что группа модальных глаголов с разной степенью четкости границ выделяется прежде всего в германских и романских языках [Palmer 2001:100-101], для других языков, в частности, иранских, также характерно наличие подкатегории глаголов, служащих для выражения различных модальных значений. Основной сложностью при попытке выработать формальные критерии отнесения глаголов к группе модальных является привязанность этих критериев к конкретным языковым системам, однако, отталкиваясь от семантической общности этих глаголов, можно попытаться обозначить границы этой группы.

В иранских языках представление о модальности связано прежде всего с персидским языком, в описаниях которого традиционно выделяются модальные глаголы [Rahimian et al. 2015:390; Рубинчик 2001:236-237], так же, как и в других языках представляющие собой разнородную группу. В талышском языке, близкородственном персидскому, наблюдается похожая ситуация, однако группа модальных глаголов представляет собой еще более разнородную категорию. Прежде всего можно выделить глаголы, модальные значения которых являются производными от смысловых (*pijej* “любить, хотеть”, *znej* “знать, мочь, уметь”). Эти глаголы с ядерной модальной семанти-

¹ В работе *Dialectal description of Iranian Taleshi* Д.Пол упоминает “частицу” *bare*, которая служит для выражения (внутренней) необходимости [Paul 2011:152].

кой, тем не менее, имеют полноценные парадигмы спряжения и не отличаются морфологически от смысловых глаголов¹ (синтаксически в зависимости от диалекта эти глаголы требуют либо инфинитива смыслового глагола, либо его личных форм в косвенных наклонениях).

- (1) pi-də-m-e bə jen-i sıxan-i-çi-yi bı-vot-ım
хотеть-PROG-1SG-TR к жена-OBJ слово-OBJ-что-OBJ IRR-сказать-SBJ.1SG
“Хочу кое-что сказать жене.”

Другая категория, близкая по семантике к собственно модальным глаголам и имеющая безусловно глагольное происхождение, представляет собой синхронически формы будущего времени глаголов *bej* “быть” и глагола со значением “быть должным”, предположительно восходящего к общеир. **ира-айа-*, который используется только в форме 3 л. ед.ч. будущего времени.

- (2) tı bə-p-e gırdə bı-kə-j ıştə çəşmə
ты FUT-быть.должным-3SG собранный IRR-делать-2SG POSS.2SG комната
“Ты должен убраться в своей комнате.”

Как и модальные глаголы первой категории, эти две глагольные формы могут присоединять инфинитивы или личные формы косвенных наклонений смысловых глаголов. Важным отличием является то, что модальные значения у этих глаголов появляются только в определенной форме (3 л.ед.ч. будущего времени)², которая не согласуется с подлежащим.

В ходе исследования обнаружена также маргинальная модальная конструкция, которую можно интерпретировать как сочетание модального глагола и инфинитива (или личной формы косвенного наклонения) смыслового глагола. Модальный глагол в этой конструкции представляет собой форму 3 л.ед.ч. настоящего времени глагола *bej* “быть”.

¹ Глагол *pijej*, однако, является единственным глаголом, требующим эргативного строя предложения не только в прошедшем времени, в отличие от других переходных глаголов.

² Глагол *bej* “быть” почти во всех других формах функционирует как обычный вспомогательный глагол или копула без модальной семантики.

(3) im bank-ədə pul v1-ğand-e be-də-ni bə kə

DEM банк-LOC деньги PV-бросать-INF быть-PROG-NEG в дом

“В этом банке нельзя отправить деньги домой.” [потому что они не занимаются международными переводами].¹

В докладе будут представлены подходы к классификации модальных глаголов и предпринята попытка обозначить границы этой категории с опорой на материал талышского и других языков, а также будут более подробно рассмотрены морфосинтаксические особенности собственно модальных глаголов и близких к ним модальных слов глагольного происхождения в талышском языке Азербайджана.

Условные обозначения

PROG – прогрессив, SG – единственное число, TR – переходность, OBJ – косвенный падеж, IRR – ирреалис, SBJ – конъюнктив, FUT – будущее время, POSS – поссессив, DEM – указательное местоимение, LOC – локатив, PV – преверб, INF – инфинитив, NEG – отрицание.

Литература

Рубинчик Ю. А. *Грамматика современного персидского литературного языка*. М.: Издательская группа «Восточная литература» РАН, 2001. — 600 с.

van der Auwera, J., Plungian, V. 1998. *Modality's Semantic Map* // *Linguistic Typology* 2, pp. 79–124.

Johanson, L. 2009. *Modals in Turkic* // *Modals in the Languages of Europe: Empirical Approaches to Language Typology*. Mouton de Gruyter, pp. 487–510.

Palmer, F. 2001. *Mood and Modality*, Cambridge University Press. — 254 p.

Paul, D. 2011. *A comparative dialectical description of Iranian Taleshi* (thesis), University of Manchester. — 466 p.

Rahimian et al. 2015. *A Historical Investigation into Persian Modal Auxiliaries* // *Open Journal of Modern Linguistics*, 5, pp. 389–398.

¹ На наш взгляд, эта конструкция появилась под влиянием аналогичной конструкции в азербайджанском с глаголом *olmaq* “быть”, характерной для многих тюркских языков [Johanson 2009:498].

Н. Р. Сумбатова

РГГУ (Москва)

«НЕСТАНДАРТНЫЕ» НЕЗАВИСИМЫЕ КЛАУЗЫ В ДАРГИНСКОМ ЯЗЫКЕ¹

Как правило, независимые предложения в даргинском языке² имеют в качестве вершины либо синтетическую финитную форму глагола, либо цепочку из одного–трех предикативных показателей – клитик, выражающих отрицание, лицо, время, вопросительность и некоторые другие предикативные категории.

Однако встречаются также *немаркированные* предложения, вершиной которых является либо нефинитная форма глагола, либо неглагольный предикат, и при этом предикативные показатели отсутствуют. Существует несколько классов немаркированных предложений, которые отличаются как по своему значению, так и синтаксически. Пример (1) иллюстрирует самый распространенный класс таких предложений:

- (1) zavrajoŋo le-r-q'-un-ne!
заврайоно HITHER-F-идти:IPFV-PRS-CVB
'Заврайоно идет' (произнесено человеком, который неожиданно для себя увидел в окно школы направляющуюся к школе заведующую районо).

Предложения такого типа используются в ситуации, когда говорящий наблюдает новую для него ситуацию и тут же вербализует наблюдаемое. Такие предложения по своему значению напоминают конструкции с адмиративным значением (см., в частности, DeLancey 1997; 2001), хотя в общем случае в них – в отличие от адмиративных конструкций – не предполагается, что новая информация удивляет говорящего или не вписывается в его представления о мире. При желании говорящий может добавить адмиративный компонент, использовав вспомогательный глагол *kalg-/kalug-* 'оставлять', который обычно употребляется для выражения косвенной эвиденциальности:

- (2) murad-li žiq'inara b-irq-u-le kalg-un-ne!
Мурад-ERG аккордеон N-играть:IPVF-CVB DOWN+оставаться:IPFV-PRS-CVB
'Мурад, оказывается, играет на аккордеоне!' (в знач. 'умеет играть')

¹ Исследование было поддержано грантом РФФ #17-18-01184 «Коммуникативная организация естественного дискурса в звучащих и жестовых языках».

² В докладе используются материалы диалекта селения Танта (Акушинский район Дагестана; см. (Сумбатова, Ландер 2014)). Представлены как примеры из устных текстов, так и примеры, полученные путем элицитации.

- (5) čeᵛbᵛaʰ-il ʁaʰʂ:ala, guᵛbᵛaʰ-il niʂ:ala = nu
 вверху<N>-ATR.CONTR вы:GEN внизу<N>-ATR.CONTR мы:GEN = CONTR
 [«Как поделим озеро?» – спрашивают. – «Поделим», – говорят. – «Посередине
 протянем веревку. – говорят. –] ‘Верхнее ваше, нижнее наше’.
- (6) ʁuʰ načal’nik, du abdal
 ты начальник я дурак
 ‘Ты начальник – я дурак’.

В докладе будет также предложена синтаксическая модель для предложений, вербализующих новую для говорящего ситуацию, и показано, как эти предложения отличаются как от стандартных независимых клауз, так и от других групп немаркированных предложений.

Литература

- Сумбатова Н.Р., Ландер Ю.А. *Даргинский говор селения Танты. Грамматический очерк, вопросы синтаксиса*. М.: Языки русской культуры. 2014. 752 стр.
- DeLancey, Scott. 1997. Mirativity: the grammatical marking of unexpected information. // *Linguistic Typology* 1. P. 33–52.
- DeLancey, Scott. 2001. The mirative and evidentiality. // *Journal of Pragmatics* 22. P. 369–382.
- Lambrecht, Knud; and Polinsky, Maria 1998. “Typological variation in sentence-focus constructions”. In: Singer, Kora et al. (eds), *Proceedings of the Thirty-third Annual Meeting of the Chicago Linguistic Society*. Papers from the Panels 189–206. Chicago, Illinois.
- Sasse, Hans-Jürgen. 1995. "Theticity" and VS order: a case study. // *Sprachtypologie und Universalienforschung (STUF)* 48: 3-31.

ГРАММАТИКА КОСВЕННОСТИ В ДАГЕСТАНСКИХ ЯЗЫКАХ¹

«Одним из фундаментальных вопросов реконструкции общедагестанского языка-основы на его морфологическом уровне является определение той роли, которую играло в склонении имен противопоставление прямой и косвенной основы» (Алексеев 2003: 30). Несмотря на значительное морфологическое разнообразие деривационных цепочек (Кибрик, Кодзасов 1990) при именном осново- и формообразовании и малую вероятность, вопреки (Назаров 1974; Климов, Алексеев 1980), существования в правосточно-кавказском языке двухпадежной системы, ср. (Старостин 1991; Алексеев 2003), привлечение фактов синтаксиса подтверждает фундаментальный характер противопоставления прямой и косвенной форм имени в дагестанских языках.

В цахурском и цезских языках противопоставление прямой и косвенной форм характеризует все или почти все компоненты именной группы, например, в хваршинском:

- (1) a. *aminat-i-s* *sumka*
 Аминат-OBL-GEN1 сумка(ABS)
 ‘сумка Аминат’
- b. *aminat-lo* *sumka-ma*
 Аминат-GEN2 сумка-IN
 ‘в сумке Аминат’
- (2) a. *l-uq̄u* *ʋʋan*
 IV-большой дерево(ABS)
 ‘большое дерево’
- b. *l-uq̄u-la* *ʋʋan-o-ʒo*
 IV-большой-OBL дерево-OBL-SUPER
 ‘на большом дереве’

Как было показано первоначально в (Казенин, Тестелец 1999) для цахурского, затем для аварского и затем для даргинского и лезгинского языков (Евстигнеева 2018),

¹ Исследование было поддержано грантом РНФ #17-18-01184 «Коммуникативная организация естественного дискурса в звучащих и жестовых языках».

ряд синтаксических операций типа А'-передвижений (фокусирование, семантическое связывание и релятивизация) по-разному применяется к зависимым абсолютных именных групп и к зависимым группам в косвенных падежах. Например, в цахурском языке косвеннопадежные группы допускают фокусирование зависимых атрибутивов, а абсолютные разрешают фокусирование соположенных, но не зависимых.

В докладе будет рассмотрена гипотеза, согласно которой по крайней мере некоторые косвенно-падежные именные группы в дагестанских языках представляют собой в действительности послеложные группы, причем послелог создает синтаксическую границу, непроницаемую для А'-передвижений.

Литература

Алексеев М.Е. 2003. *Сравнительно-историческая морфология нахско-дагестанских языков. Категории имени*. М.: Academia.

Евстигнеева А.П. 2018. *Синтаксис операторов в дагестанских языках*. Магистерская выпускная работа. МГУ.

Казенин К.И., Тестелец Я.Г. 1999. *Структура составляющих*. // Кибрик А.Е. (ред.) *Элементы цахурского языка в типологическом освещении*. М.: «Наследие».

Кибрик А.Е., Кодзасов С.В. 1990. *Сопоставительное изучение дагестанских языков. Имя. Фонетика*. М.: Изд-во МГУ.

Климов Г.А., Алексеев М.Е. 1980. *Типология кавказских языков*. М.: «Наука».

Назаров В.П. 1974. *Разыскания в области исторической морфологии восточно-кавказских языков: проблемы архаизмов и инноваций*. Махачкала: Дагучпедгиз.

Старостин С.А. 1991. Реконструкция общевосточнокавказской системы основных падежей. // *Славистика. Индоевропеистика. Ностратика. К 60-летию со дня рождения В.А. Дыбо*. М.: «Наука».

Р. Ш. Халидова

Дагестанский государственный педагогический университет (Махачкала)

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ХРОНОТОПА В КАРАТИНСКИХ СКАЗКАХ

Художественный хронотоп составляет совокупность пространственно-временных отношений в тексте. Хронотоп является универсальной текстовой категорией, которая выполняет важную функцию в реализации сюжетного повествования в сказочном дискурсе. Термин «хронотоп» означающий «время-пространство» ввёл М.М. Бахтин, рассматривая проблему освоения в литературе реального исторического времени и пространства, чтобы подчеркнуть неразрывность связи пространственных и временных отношений. В докладе предполагается рассмотреть особенности реализации художественного времени и художественного пространства в каратинской сказке в рамках двухкомпонентной модели, представленной М. Бахтиным.

Для каратинского сказочного дискурса характерен размытый хронотоп. Зачин всех сказок одинаков: *вукIа идйа вукIачIе идйа* «был есть, не был есть» – границы времени и пространства размываются. Из такого зачина неизвестно, когда жил, где жил и жил ли вообще. Размытый хронотоп становится одним из средств создания сказочности, например: *БакIва идйа бакIвачIе идйа цеб гьанли ку^нтIакIел гьаркIкIе* «жили-были в одном горном селении муж с женой» (букв. были не были оказывается в одном селении муж с женой); *ЙикIва идйа йикIвачIе идйа ханицуй йаше Месдо* «Жила-была хана дочка Меседо» (букв. была не была оказывается хана дочка Меседо); *БакIва идйа сарел, си^нл, бацIал серкIкIу магIишат гед*а «лиса, медведь и волк вели совместное хозяйство» (букв. были оказывается лиса, медведь и волк вместе хозяйство делали).

Сказки имеют устоявшиеся десятилетиями традиционные зачины и концовки. Зачины настраивают слушателя на сказочный лад, концовки же завершают повествование, часто носят поучительный характер.

Если зачин для всех сказок одинаков, то концовки различаются в зависимости от тематики сказок. Общим для всех зачинов является то, что они носят поучительный, назидательный характер.

В каратинской сказке представлены ретроспективные (чаще) и проспективные (реже) хронотопные линии.

Стержневым элементом выражения ретроспективности является временная форма перфект в сопровождении обстоятельств времени, выражающих предшествование:

Хлукму гѣ идѣа ѣаше ку^нтѣва ѣеккалѣа. Кѣкѣа^н идѣа ханцул гѣакѣа кѣкѣа^ндов гѣекѣа, кекѣ^н идѣа гѣоцвар гѣакѣа кѣкѣа^нкѣе (Умный бедняк) «Решил он выдать ее замуж. И вот пригласил глашатаев и приказал объявить» (букв. Решение делал **есть** дочку замуж выдать. **Позвал есть** хан объявление делающий человек, **сказал есть** ему призыв крикни).

Проспективность в тексте сказки выражается в речи персонажа глагольной формой футурума, образуемой сочетанием смыслового глагола (инфинитив) и вспомогательных глаголов *бикѣвалѣа* «быть» и *идѣа* «есть»:

Рѣши^нхѣерохъ харѣже рѣшин ссоралачѣе беккалѣа гѣачѣекѣе. Гѣобел бикѣвалѣа идѣа дуварда баѣаб – чами ригѣа мена дѣб кавѣ каѣагал ѣебал рахѣайкѣахил тѣамѣбар, гѣошдоѣо ригѣай дурай ракѣвалѣа идѣа. Кѣаме-чѣамерел, ракѣлар-квѣ^нѣл дена дува бѣгѣалѣа идѣа – кѣе. (Мудрый Али). «Плата твоя будет зависеть от тебя же – по истечении года, сколько овец ты сможешь перекинуть через мой высокий забор, столько и получишь. Кормить и одевать тоже я тебя буду» (букв. за работу плату год пока не пройдет **давать не буду**. Это **будет есть** от тебя зависеть – сколько овец ты мой ворота сверху на другую сторону если бросишь, столько овец твои **будут есть**).

И^нцул ѣаше ку^нтѣва ѣеккалѣа идѣа гѣечѣе џѣџодороцѣва, и^нцѣва дунѣаллѣѣада гѣачѣоб гѣедела ургѣоцѣва (Умный бедняк) «Хан выдаст свою дочь за самого умного, за того, кто придумает самую невероятную небылицу» (букв. мною дочка замуж **давать есть** самому умному, мне на свете не имеющую вещь придумавшему).

Гѣоб гѣедела мена тѣобайбар – дена дува ѣашел ѣеккас. (Чилбик) «Если приведешь ее сюда – выдам за тебя свою дочь».

Функциональная значимость грамматических форм времени на уровне текста сказки носит относительный характер. Поэтому в сфере проспективности могут встретиться и формы настоящего или прошедшего времени, например: *Дѣб милѣлал коно, ден хурир ѣѣа^нлѣа идѣо, мен кѣибар гѣагѣбай вашалоб гѣадоѣа џункѣа-рекѣлал белѣа^нѣхва дѣѣа хирхир хурир ѣѣхѣу.* «Золотце мое, я иду в поле, а ты свари головы и ноги этих мальчишек и принеси мне» (букв.я на участок **иду есть**). (Чилбик) (транспозиция – наст. время в функции будущего).

Художественное пространство в сказках – это бытовое пространство. Стержневым элементом художественного пространства большинства сказок является село или кварталы села со своими названиями: *Эшхѣа гѣане* (верхнее село *Эшха*), *Кѣкѣлѣра гѣане*

(село Карата), *БокъЮохъ* (местность у разрушенных кошар), *Макаргъай* (квартал Макара), *Каъагъай* (верхний квартал), *Кварччаки* (квартал), *Къора хиги* (местность в селении-за кладовой), *ЦицЮшдйа* (местность в селении), *ЦицЕлекъар̄* (пастбище под лесом), *СалакартИи* (местность с пашнями и покосами – в дупле у зуба), *ГъацццIа^hкъар̄* (квартал – палящее место), *КъваркъилИи* (местность летних пастбищ – жаркое место), *Тлукйа* (в селе Тукита), *ЦицЕлв̄* (в селе Цолода). Периферийные элементы: карат. *Бесуни беса* «лес» (лес как нож), *Будалдилоб речIчIа* «пещера» (пещера Будалаев), Тархо «гора», *ГъарчIчIакъарас энххе* «речка» (речка в местности *ГъарчIчIакъара* (т.е. ровное жаркое место), *ГъацццIа^hкъар̄ игъвар* (озеро палящего места).

Чередования пространственных локализаций также служат средством выражения динамики повествования. Например, в сказке «Картилав» (КIартилав): *А^hиц чIчIваре вод^hлIа вукIа идйа Кварччакир, амма къвани гIедегIа вукIавхва гиргире тIаре воъа^h идйа рекIкIенир, гъоргал – э^hхалIир. Биъу идйа рекъIа, бокъIа идйа щункIа. Гъалашалахъ э^hхахъигал вахъе^h вокъеце идйа КIартилав къваркъилIис речIчIл̄ гъини* «В очередной раз, убегая от издевок и насмешек детей, не разбирая дороги, он покатился по отлогому склону в ущелье, а оттуда попал прямо в речку. При этом сломал руку и ногу подвернул. Еле выкарабкавшись из горной речки, Картилав очутился в пещере местности Кваркитли».

В каратинской сказке, как и в любом художественном тексте, время и пространство функционируют в тесной связи, дополняя друг друга. Сопряженность пространства и времени проявляется в том, что приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается во временном измерении. Этим пересечением рядов и слиянием примет характеризуется художественный хронотоп [Бахтин 1975: 204].

Литература

Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975. — 504 с.

Халидова Р.Ш. КIкIирдалIай мугъади «Каратинские сказки». М.: ИД «Эпоха», 2017. — 175 с.

СИНТАКСИЧЕСКИЙ СТАТУС ДЕЕПРИЧАСТНОГО ОБОРОТА В БЕЖТИНСКОМ ЯЗЫКЕ

В бежтинском языке деепричастный оборот, образующийся с помощью перфективного конверба с показателем *-na*, обладает признаками сочинения и подчинения. Перфективный конверб с показателем *-na*, который образует деепричастный оборот, также используется для передачи последовательности событий (chaining), входит в состав аналитических глагольных форм, а также используется как финитная форма глагола, выражающая эвиденциальное значение. Показатель *-na* является полифункциональной частицей: используется при сочинении ИГ, *-na* присоединяется к ИГ в составе деепричастного оборота, также *-na* имеет эмфатическую функцию.

В настоящей работе будут рассмотрены формальные критерии, разграничивающие сочинение и подчинение, и применены к бежтинскому деепричастному обороту с перфективным конвербом с показателем *-na*.

Критерий линейного вложения или гнездование. При подчинении зависимая клауза может быть линейно вложена внутрь главной, тогда как при сочинении вложение невозможно [Пекелис 2015]. Основываясь на данном критерии деепричастный оборот с перфективным конвербом проявляет признаки подчинения, так как зависимая клауза может быть вложена внутрь главной.

- 1) [čaj=na xuʎo-na] kibba bābā m-üq-čä
 чай=AND пить-CVB девочка.ERG хлеб(III) III-кушать-PRS
 ‘Девочка пьет чай и ест хлеб.’
- 2) kibba [čaj=na xuʎo-na] bābā m-üq-čä
 девочка.ERG чай=AND пить-CVB хлеб(III) III-кушать-PRS
 ‘Девочка пьет чай и ест хлеб.’

Следующий критерий, связанный с ограничением на антецедент анафорического местоимения, состоит в следующем: если зависимая клауза располагается после главной, то анафорическое местоимение в роли подлежащего главной клаузы не может быть кореферентно какому-либо выраженному актанту зависимой клаузы [Тестелец 2001: 260], [Пекелис 2015]. В примере (3) местоимение *hoʎo* главного предложения не

корреферентно подлежащему зависимого предложения. Таким образом, данный критерий говорит в пользу подчинительного характера деепричастного оборота с перфективным конвербом.

- 3) *hoλ_i bābā m-üq-čä [Pat'imat-i_i čaj=na
она.ERG хлеб(III) III-кушать-PRS Патимат-ERG чай=AND
xuλo-na]
пить-CVB
*‘Она пьет чай и Патимат ест хлеб.’

Критерий морфосинтаксического локуса подразумевает вложение полипредикативной конструкции в еще более крупную клаузу: если связь между клаузами выражается при помощи некоторого формального средства, то это средство будет применено к главной клаузе; при сочинения все конъюнкты получают соответствующее маркирование [Пекелис 2015]. В примерах (4) и (5) полипредикативная конструкция при глаголе *-iq'e-* ‘знать’ выступает как сентенциальный актанта, оформленный масдаром. Как видно из примеров масдаром может быть оформлена не только главная клауза (4), но также и зависимая (5). Таким образом, данный тест подтверждает сочинительный характер деепричастного оборота.

- 4) dil y-iq'e-š kibba [čaj=na
1SG.LAT IV-знать-PRS девочка.ERG чай=AND
xuλo-na] bābā m-üq-iyof_i
пить-CVB хлеб(III) III-кушать-MSD
‘Я знаю, что девочка пьет чай и ест хлеб.’
- 5) dil y-iq'e-š kibba [čaj
1SG.LAT IV-знать-PRS девочка.ERG чай
xuλo-yof_i-na bābā m-üq-iyof_i-na
пить-MSD=AND хлеб(III) III-кушать-MSD=AND
‘Я знаю, что девочка пьет чай и ест хлеб.’

Сочинительный характер деепричастного оборота с перфективным конвербом также подтверждается переводом на русский язык с помощью сочинительного союза *и* (см. пример 1).

В данной работе будут рассмотрены другие формальные критерии (напр., ограничение на сочиненную структуру, эллипсис, кванторные группы), а также основные подходы к разграничению сочинения и подчинения применительно к бежтинской полипредикативной конструкции.

Литература

Пекелис О.Е. Сочинение и подчинение. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2015.

Тестелец Я.Г. Введение в общий синтаксис. М., 2001.

М. Ч. Чеерчиев

Дагестанский государственный педагогический университет (Махачкала)

СИСТЕМНЫЕ РАСХОЖДЕНИЯ В ФОНЕТИЧЕСКОМ СТРОЕ РУССКОГО И АВАРСКОГО ЯЗЫКОВ

Фонетический строй русского и аварского языков обнаруживают целый ряд системных расхождений как в части вокализма, так и консонантизма.

Расхождения в вокализме заключаются как в составе фонетических единиц, так и в их функциональной характеристике. В аварском языке шесть гласных: [а о э и у ѣ]; в русском их гораздо больше: [а о э и у ы и' ь ъ]. М.В.Панов (в работе «Современный русский язык. Фонетика.» М., 1979, стр. 32) в русском языке насчитывает пятнадцать гласных. Гласных фонем в аварском шесть < а о э и у ѣ >, в русском же языке (по версии МФШ) их пять < а о э и у >. Значительные расхождения наблюдаются в системе согласных этих языков. Так, в русском языке по месту образования различают согласные губные и язычные. В аварском же, кроме указанных, имеются согласные увулярные [хъ къ х гъ], фарингальные [xI гI], ларингальные

[гъ ь], латеральные [лъ къ лъ лъль лI]. По способу образования в русском различают согласные смычные и щелевые с их разновидностями. В аварском же, кроме того, различают согласные абруптивные [mI kI цI чI], геминированные [сс кк кI кIкI мм], лабиализованные [св кв шв] и т.д.

Общим акустическим признаком согласных в русском и аварском является корреляция по звонкости-глухости. Но характерным признаком консонантизма русского языка является противопоставленность звуков по мягкости и твердости. Согласные же аварского языка по признаку мягкость-твердость не противопоставлены. (Правда, в закательском диалекте аварского языка наблюдается такая корреляция: днугIа [д' у гI а] «молитва», хIоне [хIон'ó] «яйцо», мIю мIи [mI'ý mI' и] «хлебец, булочка», дноря

[л' ул'á] «дуло»). Смягченность или несмягченность согласных в аварском обусловлены позиционно, являются результатом аккомодирующего влияния соседних гласных. Аккомодация в аварском, в отличие от русского языка, направлена от гласного к согласному: [эб'эл'] «мать», но [гьобó л] «гость», [эм'эн'] «отец», но [умумул] «отцы», [кI'ил'йкI'] «серьга», но [кIулал] «ключи, отмычка».

В русском языке твердость-мягкость согласных является самостоятельным признаком, причем фонологически релевантным. В аварском же языке признак смягченность-несмягченность не является функционально значимым, поскольку не выполняет смыслоразличительной функции.

Следует также отметить, что в русском языке смычные глухие [п т к] являются непридыхательными, в аварском же они произносятся с придыхом.

Различаются системы согласных этих языков также в части действия закона конца слова. Как известно, в русском языке в конце слова звонкие и глухие согласные нейтрализуются, перестают различаться: луг[лук], лук[лук], глаз[глас], глас[глас], род[рот], рот[рот]. В результате этого процесса в русском языке возникает целый ряд омофонов.

В аварском языке звонкие и глухие в конце слова не нейтрализуются, они продолжают в этой позиции различаться. Примеры: зоб[зоб] «небо», аб[аб] «этот», аз[аз] «этими», ас[ас] «этим», къед[къед] «стена».

В аварском языке звонкие согласные в конце слова произносятся с меньшим количеством голоса, т.е. они оглушаются, но это оглушение не влечет за собой смешения звонкого и глухого, нейтрализации звуков.

Особенностью консонантизма аварского языка является также наличие в нем лабиализованных согласных: квер «рука», свине «потухнуть», дваргьи «грохот».

Таковы некоторые системные расхождения в фонетическом строе русского и аварского языков.

В. А. Чирикба

Институт языкознания РАН (Москва),
Абхазский институт гуманитарных исследований АНА

ЗАПАДНОКАВКАЗСКО-ВОСТОЧНОКАВКАЗСКИЕ СООТВЕТСТВИЯ В ОБЛАСТИ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ

Во многих отношениях западнокавказские (ЗК) и восточнокавказские (ВК) языки представляют собой весьма схожие системы. К основным параметрам их фонологических структур относятся (1) четверичное противопоставление по ларингальным признакам: звонкий : глухой придыхательный (/слабый) : глухой непридыхательный (сильный/напряженный) : глоттализированный; (2) наличие шумных латеральных согласных; (3) богатый инвентарь поствелярных согласных; (4) богатые сибиллянтные системы.

Морфонологически в обеих ветвях отмечено использование аблаута. Другим общим признаком является наличие системы именных классов. Морфосинтаксически эти языки являются представителями эргативного строя.

Однако в других существенных аспектах ЗК и ВК языки разительно различаются: в отличие от полисинтетических ЗК языков, языки ВК ветви умеренно синтетичны с элементами аналитизма. В отличие от преимущественно префиксальных ЗК языков, которые обладают лишь элементарной именной флексией, ВК языки характеризуются преобладающей суффиксацией и развитыми падежными системами.

Ю. фон Клапрот впервые предположил связь между ЗК и ВК языками и постулировал существование северокавказской (СК) семьи как независимого генетического таксона. Результаты работ Н.С. Трубецкого начала XX века, а в новое время работы А. Абдокова, С. Старостина и С. Николаева удостоверили реальность существования независимой СК языковой семьи.

ЗК и ВК языки демонстрирует значительную близость основного словаря: личные местоимения, части тела, термины родства, природных явлений и объектов, глаголы, прилагательные, числительные.

Помимо словарных соответствий, между ЗК и ВК языками отмечается также наличие определенного числа общих аффиксальных морфем. Из их числа можно назвать

следующие (СК и ВК реконструкции С. Старостина и С. Николаева, ЗК реконструкции В. Чирикба):

ЗК	ВК	
<i>*mə</i>	<i>*ma</i>	запретительная/негативная частица
<i>*čə-</i> (абх.)	<i>*č[ũ]</i>	возвратное местоимение/аффикс
<i>*-giə</i>	<i>*-gi</i>	энклитическая частица 'и'
<i>*-ra</i> (адыг.)	<i>*-ra</i>	энклитическая частица 'и'
<i>*-ba</i> (абх.)	<i>*b-</i>	суффиксальный показатель числительных класса не-человека (абх.), префиксальный показатель класса животных и некоторых неодушевленных вещей или явлений (ВК)
<i>*-ara</i> (абх.)	<i>*-ar</i>	суффикс множ. ч.
<i>*-la</i>	<i>*-l(a)</i>	дюративный суффикс
<i>*-la</i>	<i>*-l</i>	инструментальны/комитативный (ЗК), дативный суффикс (ВК).
<i>*-n</i> (абх.)	<i>*-na</i>	суффикс прошедшего времени
<i>*-m</i> (адыг.)	<i>*-m</i>	суффикс эргативного/косвенного (оадыг.) или косвенного (ВК) падежа
<i>*-da</i>	<i>*-d(a)</i>	оптативный суффикс
<i>*-da</i>	<i>*dM</i>	негативный суффикс (оабх.), негативная частица (ВК)
<i>*-rə</i> (адыг.)	<i>*-r(a)</i>	причастный или деепричастный суффикс
<i>*-g^wia</i>	<i>*-gwa</i>	наречный суффикс
<i>*čə-</i> (абх.)	<i>*-ci</i>	комитативный аффикс
<i>*-na/ə</i>	<i>*-n</i>	локативный суффикс (ЗК), генитивный суффикс (ВК)
<i>*-sa</i>	<i>*-se</i>	наречный/причастный (ЗК), инструментальный (ВК) суффикс
<i>*-da</i>	<i>*-di</i>	направительная/локативная частица (ЗК), локативный суффикс (ВК)

В ряде этих случаев мы можем, возможно, говорить о первоначально самостоятельных частицах (как в случае с союзами), о «плавающих» энклитиках (таких как негативный показатель, который даже синхронно функционирует в ЗК языках как префикс и как суффикс), или о независимых местоимениях (возвратный аффикс, показатель эргативного/косвенного падежа), которые только позже были инкорпорированы

в обеих ветвях северокавказского либо в именную, либо в глагольную парадигмы. Тот факт, что ВК суффиксы местного падежа, которые выражают локализацию, этимологически соответствуют ЗК направлятельным превербам, указывают на происхождение и тех, и других из независимых наречий или схожих классов слов (Абдоков 1983а; 1983; Алексеев 1988). Однако некоторые из этих когнатов могли быть аффиксальными морфемами уже в СК, и таким образом унаследованными в обеих ветвях.

Среди немногих по-настоящему словоизменительных аффиксов общих для ВК и ЗК были, возможно, старые показатели грамматического класса и множественного числа. Наличие старых показателей класса можно, по-видимому, усматривать в некоторых ЗК числительных:

СК		ЗК
*q'Hwä:	–	*d-G ^w a 'два'
*ʔérL:ĩ	–	*b-kʲə 'семь'

Более того, абхазские числительные все еще сохраняют старые классные показатели: абх. *-ba суфф. класса не-человека: *ʕ^wə-ba 'два', *pʃ^jə-ba 'четыре' и т.д.

INTERNAL RECONSTRUCTION OF BEZHTA PREVERBS AND EXTERNAL COMPARISON

Absence versus presence of bound prefixes on verbs (afterwards ‘preverbs’) seems at first sight to draw an important dividing line between western versus eastern branches of the East Caucasian linguistic family. On the one hand Andic, Tsezic and Avar are never described as having preverbs, while Nakh has word-forming elements analysable rather as verbal particles. On the other hand, most languages of the Lezgian and Dargic branches have systems of preverbs, often highly developed, and Lak has non productive preverbs, allowing insertion of morphology. But closer examination shows that at least incipient systems of preverbs must have existed in Western branches at various stages of their diachronic development, leaving more or less obvious traces in various attested languages.

Our talk will focus on Tsezic languages, for which a general overview of frozen and incipient preverbs has been recently drawn (Comrie, Forker and Khalilova, 2014) and on Bezhta in particular. This overview, and available descriptions of Bezhta in general, overlook the presence of at least two preverbs transparently related to the spatial case markers meaning ‘on’ and ‘under’ (*-kʰ* and *-kʰ* respectively). Verbs presenting these formants word-initially are not analysed as prefixed in Comrie, Khalilov and Khalilova’s recent grammar, although they show exactly the same sort of correlation between a verbal deictic prefix and nominal case affixes productively found across the Lezgian and Dargic branches of East Caucasian. Furthermore, the insertion of plural morphology *after* these formants, for instance in *kʰʷj<bä>qʷäl* ‘to mount’ and *kʰijə<ba>kal* ‘to dismount’ allows to describe these formations as containing preverbs, although there is no system of preverbs strictly speaking since the isolated initial elements do not usually commute with other comparable morphs in a paradigm, or if they do (as in the quoted example) the second radical element is different.

The same analysis of these verbs as historically bi-partite can be extended and proposed for all other internally inflecting verbs. Our presentation endeavours to classify, internally reconstruct, and compare all Bezhta verbs which show internal plural inflexion (based on Comrie, Khalilov and Khalilova 2015 § 5.4.1.1 and on Khalilov 2015) with available cognates or parallel formations in other Tsezic languages and consider, whenever relevant, similar data from Andic languages and Avar, in an attempt to establish the time-depth of such formations.

Diana Forker
University of Jena

THE SO-CALLED ATTRIBUTIVE / CONTRASTIVE / RESTRICTIVE SUFFIXES IN DARGWA

Many if not all Dargwa languages have a suffix *-ci* (Standard Dargwa, Khajtag and Icari Dargwa) or a cognate thereof, such as *-ce* in Sanzhi Dargwa, *-se* in Tanti Dargwa, *-ze* in Chirag Dargwa, etc., which in the literature has mostly been analyzed with respect to its occurrence on adjectives. Thus, adjectives have been divided into ‘short adjectives’ without the suffix and ‘long adjectives’ that bear the suffix. In grammars of Standard Dargwa, the short adjectives are said to be more archaic and basically only used in poetry and other types of fiction (van den Berg 2001: 26; Abdullaev et al. 2014: 207–208). By contrast, ‘long adjectives’ are the default form of adjectives. Similarly, Lander (2014) describes long adjectives with the suffix *-se* in Tanti Dargwa as unmarked because their use is less restricted. He also discusses and rejects an analysis of *-se* as a nominalizer. For Icari Dargwa, adjectives and other words bearing the suffix *-ci* have been analyzed as free attributes. Sumbatova & Mutalov (2003: 48, 129) claim that “free attributes and nouns could probably be considered to form a single syntactic class (nouns). The main difference is that free attributes are much more common in the attributive position than nouns.” Furthermore, free attributes “usually stress the restrictive character of the attribute or even imply contrastive emphasis on the attribute.”

In my talk, I will describe the morphosyntactic and semanto-pragmatic properties of the suffix *-ce* in Sanzhi Dargwa. First, I will show that its use with respect to adjectives differs from what has been written about Standard Dargwa and Tanti Dargwa because long adjectives seem to be slightly less common than short adjectives and can occur in positions that most nominal modifiers cannot occur in. Second, I will enlarge the discussion and provide a comprehensive analysis of items marked by *-ce* which are, in addition to adjectives, (i) various verb forms occurring in certain types of complement clauses and relative clauses and very rarely the negative copula, (ii) periphrastic verb forms with experiential semantics, (iii) expressions with spatial meaning that are inflected for the essive case, and (iv) nominals inflected for the genitive case. I will also consider whether an approach in terms of nominalization is applicable to the Sanzhi suffix. Third, I will argue that the core function of

the suffix can be described as forming definite descriptions that describe the referent via its location, its qualities, or its possessor. The ‘contrastive flavor’ that items marked with this suffix can have is normally rather due to their position, e.g. adjectives that follow the noun, and is not part of the meaning of the suffix. The suffix only makes it morphosyntactically possible for adjectives to occur in a position detached from the noun to which they semantically belong.

References

- Abdullaev, Zafir G., A.A. Abdulsalamov, M.-S.M. Musaev & S.M. Temirbulatova. 2014. *Sovremenij darginskij jazyk*. Makhachkala: IJaLi DNC RAN.
- Lander, Yury. 2014. Modifier incorporation in Dargwa nominals. *Working Papers in Linguistics*. Higher School of Economics.
- Sumbatova, Nina & Rasul Mutalov. 2003. *A grammar of Icari Dargi*. Munich: Lincom Europa.
- van den Berg, Helma. 2001. *Dargi folktales: oral stories from the Caucasus and an introduction to Dargi grammar*. Leiden: Research School of Asian, African & Amerindian Studies (CNWS), Universiteit Leiden

PERSIAN *MANĀT* AND ITS DIALECTAL DIFFUSION

Persian *manāt* ‘rouble, silver rouble coin’ was used in the Qājār period, when ‘the Russian rouble (*manāt*) circulated in the north and the rupee in the south’ (M. ‘A. Jamālzāde). The word occurs in Iranian and other languages of the Caucasus and the Caspian region (Northern Kurdish, Tāt Persian, Tāleši, Gilaki, Māzandarāni; Georgian, Azerbaijani, Armenian, etc.) and can refer to coins used as necklace pendants. This article suggests that the word, commonly regarded as borrowed from Russian *monéta* ‘coin’, actually derives from the more specific *monét* ‘silver rouble coin’ peculiar to the Astrakhan area and used by Leo Tolstoy in his Caucasian novel *The Cossacks*. It also proposes emending a corruption in the Syro-Persian *Hymn for Maundy Thursday* to *manāt* ‘silver coins’, whose occurrence confirms a northwestern origin of the hymn and suggests a composition date in the eighteenth century in line with the dating of the manuscripts preserving it.

THE ABAZA MASDAR: ONE MARKER, FOUR STRATEGIES¹

As Noonan (2007) and others show, masdars have a special place among situation marking devices. The most special about them are that they often have intermediate properties between a verb and a noun, and different masdars can be situated in different positions.

My talk focuses on masdar strategies in Abaza (a polysynthetic West Caucasian language, the closest relative of Abkhaz). As O’Herin (2002) and others show, their special property is that the language has only one marker of masdar, namely, the suffix *-ra* (the *ra*-form is also used as the basic form in dictionaries). However, the type of inflection chosen on the masdar can be different. The following four types are distinguished:

- 1) without any possessive or personal markers (1)
- 2) without any personal markers, but with a definite article *a-* (2)
- 3) with possessive markers, like those on usual (non-deverbal) nominals) (3)²
- 4) with personal markers (4)

In other words, a native speaker can choose which strategy – a more nominal or a more verbal one – it prefers to use in the given context. However, the distribution is not free: for instance, the head predicate is relevant. What is even more interesting, the four types differ in their affinity to verbal (predicate) vs. nominal constituents.

(1) Verbal / nominal properties

The four of masdars listed above differ in their closeness to a verb vs. / a noun, which can be proven by the differences in their combinational properties. For instance, as example (5) shows, masdars with verbal cross-reference markers (in this example, an absolutive marker) are better compatible with adverbial modifiers than masdars with possessive markers. this distinction reminds of Grimshaw’s (1990) distinction of Complex Event vs. Result Nominals: the former inherits dynamic properties of the situation, while the latter rather refer

¹ The research has been supported by the Russian Science Foundation grant no. 18-78-10128. The data were collected during the collective field expedition to Inzhich-Chukun village in July 2019, organized by National Research University Higher School of Economics and Russian State University for Humanities.

² The possessive markers are formally the same as indirect object markers on verb forms. However, they can be distinguished by the fact that possessive markers are used both on transitive and intransitive verbs (for instance, in (3), the marker *j-* is used on the intransitive verb *ʃájχ-ra* ‘come’).

to the static resultative phase. In this sense, possessively-marked masdsars are more similar to Result Nominals, and masdars with verbal markers to Complex Event Nominals. In English, according to Grimshaw, only gerund forms, such as *reading*, are almost freely compatible with adverbials (*reading books freely*), while other nominal types are incompatible with them or compatible restrictedly (**his arrival lately*). Of course, it is illustrative that gerund is also the most ‘verbal’ of English nominalizations in many other respects.

(2) Lexical properties of the matrix verbs: tightness of the link between the situations

The lexical distribution is also relevant for the choice of the masdar type. For instance, the verb *alagara* ‘begin’ usually combines with masdars that lack any marking (6). This fact reflects the tightness of link between ‘begin’ and its clausal complements.

However, the explanation of the masdar form employed is sometimes more complicated. For instance, for the verb *š’cara* ‘get used’, the form without agent / subject agreement is preferable, as in (7). By contrast, for ‘learn’, the variant with the whole set of verbal markers sounds normally for native speakers (8). Cross-linguistically, both situations are often designated by subject control verbs and are often compatible with masdars. I will propose two possible explanations, one related to the referential status of the embedded situation, the other one to its (ir)reality.

(3) Stress distinctions

Differences between masdar types are supported by the fact that sometimes masdar types derived from the same stem have different stress. This is the case of masdars of the verb *bara* ‘see’. As (9) shows, the form *wə-z-ba-rá* with two personal prefixes (the Agent and the Absolutive one) have a stress on the masdar marker, while *wə-bá-ra*, which includes a possessive marker *wə-*, the stem is stressed. This can be explained by the fact that the former is a ‘verbal’ masdar that is compositionally derived from the verb. Normally, the masdar ending has a stress on the ending. The masdar *wə-bá-ra* without the agent marker and with a possessive prefix is closer to nominals (see the last variant in (9) below) – thus, the stress is moved from the masdar suffix to the stem. It can be claimed that *bara* is regarded as a complex stem in this case, while the derivational function of *-ra* becomes unclear, since the link to the base verb is less obvious than in the case of the ‘verbal’ masdar *wə-z-ba-rá*. Grimshaw (1990), Pazelskaya (2006) and others show that a masdar form can inherit properties of the base verb to different extents.

In the talk, other differences between the masdar marking strategies will be shown.

- (1) andwá š'ardaná r-pnə našál-ra l-taqə-ḗ.
 grandmother often 3PL.IO-at come-MSD 3F.IO-want-DCL
 'The grandmother wants the relatives to visit her often.'
- (2) andwá š'ardaná r-pnə a-našál-ra l-taqə-ḗ.
 grandmother often 3PL.IO-at DEF-come-MSD 3F.IO-want-DCL
 'The grandmother wants that someone visit them often.'
- (3) Azamát r-pnə j-ḡájχ-ra d-aj-g^wərg'əj-ṭ.
 Azamat 3PL.IO-at 3M.POSS-come-MSD 3M.ABS-be.glad-DCL
 'Azamat is glad that he has come home.'
- (4) Andwá š'ardaná r-pnə d-našál-ra. l-taqə-ḗ.
 granny often 3PL.PP-to 3F.ABS-come-MSD 3F.IO-want-DCL
 'The granny wants to visit them often.'
- (5) aph^wəspa lasə d-ḡaj-ra / *l-ḡaj-ra a-taqə-n.
 girl quickly 3F.ABS-come-MSD 3F.POSS-come-MSD 3N.IO-must-PST
 'It was necessary for the girl to come quickly / soon'.
- (6) Jahčá tədz čpa-rá w-á-laga.
 today house build-MSD 2M.ABS-3SG.IO-begin.IMV
 'Begin to build your house today.'
- (7) Sará aḡ^wəráf^w soḡá -jə-s-t-ra / +jə-t-ra
 I gift gift 3SG.IO-1SG.ERG-give-MSD 3PL.IO-give-MSD
 s-g'a-m-š' cá-ṭ.
 1sg.abs-neg-neg-get.used-dcl
 'I am not used to give presents to people.'
- (8) Sará lásə s-nəq^wa-rá s-a-š'-ca-rnəs
 I fast 1SG.ABS-go-MSD 1SG.ABS-3SG.IO-BEN-learn-PURP
 s-taqə-ḗ.
 1sg.io-want-npst.dcl
 'I want to learn to walk fast.'
- (9) Sará wə-z-ba-rá / *wə-z-bá-ra /
 I 2M.ABS-1SG.ERG-see-MSD 2M.ABS-1SG.ERG-see-MSD
 wə-bá-ra s-taqə-ḗ.
 2m.poss-see-msd 1sg.io-want-npst.dcl
 'I want to see you (m).'

References

Grimshaw, Jane. *Argument structure*. The MIT Press, 1990.

Noonan, Michael. 2007. *Complementation*. *Language typology and syntactic description*, Volume 2: *Complex constructions*, Shopen T. (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 2007. Pp. 52–150.

O'Herin, Brian. *Case and agreement in Abaza*. SIL International, 2002.

Pazelskaya, Anna G. *Nasledovanie glagol'nyx kategorij imenami situacij: na material russkogo jazyka*. Candidate degree dissertation. Moscow: MSU, 2006.

COMPARING PHONOLOGICAL SYSTEMS AND SYLLABLE STRUCTURE OF BOTLIKH AND ZILO ANDI: A DATA-DRIVEN ANALYSIS¹

Andi and Botlikh are two unwritten languages of the (Avar-)Andic branch of East Caucasian. Botlikh is spoken mainly in three villages in western Daghestan (Botlikh, Miarso and Ashino). [Cercvadze 1965: 312] recognized two distinct dialect Andi groups: Upper Andi, spoken in the indigenous villages of Andi, Ashali, Chanko, Gagatli, Gunkha, Rikvani and Zilo, and Lower Andi, spoken in Muni and Kvankhidatl.

The common way of analysing phonological units such as segments and syllables is more or less impressionistic: researchers detect patterns in data they worked on. In this study we analyse data of Andi and Botlikh within the data-driven paradigm Hey et al. [2009]. Phonological application of this paradigm can be found e. g. in Moroz [2019]. The main idea of this paradigm is to automatically count segment and syllable structures in raw data material such as dictionaries or corpora of some doculect and compare the obtained frequencies.

The Botlikh data consists of two existing dictionaries (Saidova, Abusov [2012] and Alekseev, Azaev [2019]). Since there is no published dictionary available for Andi, we used data collected during fieldwork. We restricted our analysis to native words, since the dictionaries contain a lot of unadapted borrowings.

It is possible to describe all Zilo Andi and Botlikh syllables with one model (C)V(L) (where L stands for any sonorant or b). Despite many similarities in the phonological systems of both languages, the frequencies of some segments and syllable types is different, so in our analysis we compared frequencies of phonetically related segments (such as Botl. h and Andi ł, as in (1)–(2)) and phonological units. In our presentation we will discuss the discovered distinctions and some problems of the data-driven analysis of the dictionary data.

(1) hábu-da

3-card

‘3’ (Botlikh)

(2) łob-gu

3-card

‘3’ (Andi)

¹ Работа над статьей выполнялась в рамках проекта РФФИ № 18-012-00852 «Морфосинтаксис андийского языка: опыт внутригенетической типологии».

References

Alekseev, Mikhail E., Xalil G. Azaev (2019). Botliksko-russkiy slovar' [Botlikh-Russian dictionary]. Moscow: Academia.

Cercvadze, I. I. (1965). Andiyskiy yazyk (rezyume) [The Andi language (summary)]. In I. I. Cercvadze (Ed.), Andiuri Ena [The Andi language], pp. 311–392. Tbilisi: Metsniereba.

Hey, Anthony J. G., Stewart Tansley, Kristin M. Tolle, et al. (2009). The fourth paradigm: data-intensive scientific discovery, Volume 1. Microsoft research Redmond, WA.

Moroz, G. A. (2019). Slogovaya structura adygeyskogo yazika [Adyghe syllable structure]. Voprosy Jazykoznanija 2, 82–95.

Saidova, Patimat A., Magomed G. Abusov (2012). Botliksko-russkiy slovar' [Botlikh-Russian dictionary]. Makhachkala: Institute of Language, Literature and Arts of Dagestan Scientific Centre, Russian Academy of Sciences.

WHY DOES THE ANDI CAUSATIVE SUFFIX AGREE IN NUMBER?

In this talk, I examine the morphosyntax of number agreement in the causative suffix of Andi (underdescribed, Nakh-Dagestanian), based on corpus data ([a], [b], [c]). I provide evidence that this phenomenon is atypical both intra- and cross-linguistically, and put forward a diachronic explanation.

Andi has ergative alignment and a noun class system. Syntactic roles are indicated through case marking and agreement of many verbs in class-number with the nominative (S/P) argument. In these verbs, agreement in class is encoded in the variation of their consonant prefix, and agreement in number in that of their initial stem vowel (1).

- (1) a. *b-ul.inn-ja* *b-ik^w.o-du* *ts'rija* *ref-tti*
 AN-SG\go.NPST-FUT AN- SG\be.PST-PF goat[AN][NOM] wood-INTER
 ‘The goat [regularly] went to the wood.’
- b. *hege-j-il* *enni~enni-tti = gu* *milki-χo*
 DEM-AN:PL-PL[NOM] DISTR~RFL-GEN=EMH house-APUD
hell.i-d:u *j-ol.inn-o* *j-ok^w.o-du.*
 run.PST-CVB AN:PL-PL\go.NPST-HAB AN:PL-PL\be.PST-PF
 ‘They (the piglets) were running to their houses.’

Many adverbs and postpositions are also targets of agreement in class-number with S/P, which makes andi very prone to ‘external’ agreement, a common trait among Nakh-Dagestanian languages. What is less common is that it also affects the causative suffix, and, what is more, through morphological means that seem atypical for Andi.

In several Andi dialects, the causative suffix varies between three forms: it is in [-ol] in verb forms using the nonpast stem (2), while the form it takes in all other stems agrees in number with P: it alternates between [-ot] if P is singular (3a) and [-olt] if it is plural (3b).

- (2) *den* *men* *hegel-tf'u-kzu* *b-ortf'unn-ol.l-ja.*
 I thou[NOM] DEM-CONT-EL AN-escape-CAUS.NPST-FUT
 ‘I’ll save you from it.’
- (3) a. *r-ik^w-ot-o* *pirafka* *ust'olu-la.*
 INAN2-SG\be-CAUS-IMP bun[INAN2][NOM] table-SUPER
 ‘Put the bun on the table.’

- b. *den hono-b gizu-la*
 I DEM-INAN1 basket[INAN1]-SUPER
*r-ok^w -ol*l*.i-rado piraʃkol*
 INAN2-PL\be-CAUS:PL.PST-PROG bun.PL[NOM]
 ‘I am putting buns in the basket.’

It seems to be cross-linguistically very rare for a causative marker to be a target for number agreement (though also described for Ainu by Shibatani 1990: 48-55): it is absent, for example, from Matasović’s (2017) typology of possible targets of agreement.

The segment *l* present in the plural causative marker *-ol*l** reminds of the plural marker *l* used as a suffix in nouns (see *piraʃkol* in 3b). Compared to the singular causative suffix in *-ol*, the plural form *-ol*l** would appear to contain an infix plural morpheme <*l*> marking the plurality of the P-term. Nevertheless, this morphological interpretation fails to be explained by any convincing diachronical scenario.

Given that causative affixes commonly result from the morphologization of auxiliaries (Kulikov 2001:895) and that many Andi verb stems index the P-term, one could put forward a classical scenario in which the agreement marker was maintained in the process converting a verb acting as a causative auxiliary into the causative suffix. In Avar, which is very closely related to Andi, the causative auxiliary *ha*<CL>- ‘do’ has been partially morphologized into a causative suffix *-a*<CL> (Charachidze 1981: 126) that has preserved its class agreement marker and thus agrees in class with P. However, a similar scenario cannot apply to Andi, where neither number nor class agreement is expressed through the morpheme *l* in verb stems (c.f. ex. 1).

Since the Proto-Andi causative suffix may be reconstructed as **-l* > **-ol* (Rochant 2018:197- 233), it could historically correspond to the plural suffix itself and have had plural meanings alongside causative. This hypothesis finds support in cases of causativity/plurality syncretism in typology (Childs 1995: 178, Voeltz 1977, Miller 2011: 109–110). I follow Durr’s (1906: 54) proposition that the causative suffix *-ol/-ol*l** results from fusion of a causative in **-ol* with verb ‘do’, which alternates between *i.d-* in the nonpast stem and *ih-* in all other stems in Modern Andi: *-ol.l-* (-CAUS.NPST-) < **-ol.d-* < **-ol.i.d* (CAUS-do.NPST-), while *-ol*l**- (-CAUS-) < **-ol.h-* < **-ol.ih-* (CAUS-do-).

Then, I suggest that modern plural causative forms in *-ol*l** result from the contraction of double causative forms in **-ol-ol*l** < **-ol-ol.ih-* (-CAUS-CAUS-do-), which hypothetically expressed a single causative event involving a plural P. It is well described by typology that a

causative marker added to a verb without increasing its valency can express plurality of P, be it used as the only causative marker of the verb form (Aikhenvald 2011) or added to an already causativized construction as a second causative marker (Kulikov 1993: 128–134), as in the case discussed here. Besides, the hypothetical polysemy causative / plural reconstructed for Proto-Andi *-*ol* makes it even more plausible that forms in *-*ol-ol-ih-* (possibly more accurately glossed as -CAUS/PL-CAUS/PL-do-) expressed a causative construction with a plural P. It is possible that suffixation of verb ‘do’ to the causative/plural marker in -*ol* was added precisely to clear this ambiguity and specialize this marker toward a specific causative meaning. Then it seems logical that repetition of the causative/plural marker *-*ol* could be used to counterbalance this effect by bringing back a plurality nuance to the causative complex *-*ol-ih-*.

Finally, the reconstruction of double causative forms in Proto-Andi is made conceivable by the possibility to form recursive causative predicates in Modern Andi as well. The latter can express double as well as single causative events, but the semantics of single-causative-event double causatives do not include plurality of P. According to the hypothesis put forward in this paper, in Proto-Andi, a second causative/plural could be added to a causativized construction without further increasing its valency to express a plural P, but these forms eventually fused into a single suffix -*olt*. Meanwhile, new single-causative-event double causatives began to be used with other semantics, partly because the plural/causative syncretism had disappeared together with the fusion between -*ol* (CAUS) and verb ‘do’ *i.d-/ih-*.

References

[a] Ev. Saint-Luc (2015). *Lukafdi bosam rerhanotti xabar* [Gospel of Luke]. Translated from several version of the original text into Andi by a Rikwani dialect speaker. Moscow: Institut perevoda Biblii.

[b] Magomedova, P. A., ed. (2010). *Dunjalla baɣunnirs:i xargiltlol gwanab mits':illas:ol muɣal* [Fairy tales of the world in Andi]. Makhachkala: Nurul' iršad.

[c] HSE Rikwani (2015). *Texts from Rikwani* (NRU HSE).

Aikhenvald, A. Y. (2011). “Causatives which do not cause: non-valency-increasing effects of a valency-increasing derivation”. In: *Language at Large: Essays on syntax and semantics*. A. Y. Aikhenvald & R. M. W. Dixon (eds). Leiden: Brill, pp. 86–142.

Cercvadze, I. I. (1965). *Andiuri ena* [The Andi language]. Tbilissi: Mecniereba.

Charachidzé, G. (1981). *Grammaire de la langue avar (langue du Caucase Nord-Est)* [Grammar of the Avar language (A Nakh-Daghestanian language)]. Saint-Sulpice-de-Favières: Association Jean Favard pour le développement de la Linguistique Quantitative.

Dirr, A. M. (1906). “Kratkij grammatičeskij očerk andijskago jazyk”. In: *Sbornik materialov dlja opisanija mestonstej i plemën*. V. 36. IV. Tbilissi: Upravlenie Kavkaskogo Učebnogo Okrug.

Kulikov, L. I. (1993). “The ‘second causative’: A typological sketch”. In: *Causatives and Transitivity*. B. Comrie & M. Polinsky (eds). Amsterdam: John Benjamins, pp. 121–154.

Kulikov, L. I. (2001). “Causatives”. In: *Language Typology and Language Universals: An international handbook*. M. Haspelmath et al. (eds). V. 2. Berlin, New York: Walter de Gruyter, p. 886–898.

Matasović, R. (2017). “Agreement in role and reference Grammar: a typology of possible Targets”. *Suvremena lingvistika*, 43(84), 157-171.

Rochant, N (2018). “Transitivisation et détransitivisation dans le Caucase: Description de procédés de changement de valence dans un dialecte andi” [Transitivization and detransitivization in the Caucasus : Description of valency-changing operations in a dialect of Andi]. Master’s thesis. Paris: Institut National des Langues et des Civilisations Orientales.

Shibatani, M. (1990). *The Languages of Japan*. Cambridge: Cambridge University Press.

TOWARDS A TENTATIVE ORIGIN OF ANIMACY MARKERS IN BOTLIKH

Botlikh, one of the Andic languages of the East Caucasian language family, features a unique set of forms used to mark agreement with animacy (see Table 1 and examples (1) and (2) below).¹

Table 1. Animacy markers in Botlikh

Form	Animate	Inanimate
Negative copula	łi-č'i	χu-č'i
Interrogative particle	=li-ma	=χu-ma
Question word formant	=li-la	=χu-la
Attributive clitic	=ła-CM	=χo-CM
Present participle suffix	-ła-CM	-χa-CM
Future participle suffix	-ła-CM	-χo-CM
Ordinal numeral suffix	-ła-CM	-χo-CM

- (1) **b-ič-i-ła-b** unsa
 N-sell-INF-AN.FUT.PTCP-N ox
 'an ox that will be sold'
- (2) **b-ič-i-χo-b** q'ai
 N-sell-INF-INAN.FUT.PTCP-N thing
 'a thing that will be sold' (i.e. merchandise)

These markers exist alongside the common noun class system inherited from the proto-language. Some of them even contain a slot for noun class markers. The individual markers have been described in literature on Botlikh before, but a lot remains unclear about their usage, agreement patterns, and possible origins. There is an obvious association between form and function (the ł series mark animates, whereas the χ series mark inanimates), which

¹ Examples are from the Botlikh dictionary (Saidova & Abusov 2012).

could suggest a common lexical origin for each series of the rather diverse group of morphosyntactic items involved. In this paper I explore some key morphosyntactic features of these markers and compare them to possible cognate forms from related languages. As we will show, several factors point towards an origin in verbal lexemes, which is typologically unusual for gender marking.

Abbreviations

AN – animate; CM – class marker; FUT – future; INAN – inanimate; INF – infinitive; N – neuter; PTCP – participle.

References

Saidova, Patimat A. & Magomed G. Abusov. 2012. *Botliksko-russkij slovar'* [Botlikh-Russian dictionary]. Makhachkala: IJaLI.

Jesse Wichers Schreur

Goethe University Frankfurt, EPHE Paris

THE NAKH-DAGHESTANIAN GENDER SYSTEMS: GENEALOGY AND AREAL DIFFUSION

All Nakh-Daghestanian languages but three feature a category of “gender” or nominal classification, with verbs as main agreement targets (and in some languages adjectives, adverbs, postpositions or numerals), see Nichols (1989), Corbett (1991:24-28), Topuria (1994) for general considerations. These languages can have between two classes (human / non human, in Tabasaran) and six (Chechen), although a prototypical Nakh-Daghestanian language has four: a masculine gender containing only nouns denoting male humans (marker *v* or \emptyset), a feminine gender for human females (marker *r* in the East, *j* in the West), and two classes containing a mix of animals and inanimates (markers *b* and *d* respectively. Plural agreement uses the same markers except *v*.

Few scholars have committed to an exact reconstruction and subsequent development of these markers to the various paradigm cells, and if they do speculate, only the markers for agreement with singular nouns have been taken into account (Nichols 1989, 2003; Topuria 1994). The same authors claim that the specific configuration of gender markers has been subject to areal diffusion at a Proto-Nakh-Daghestanian stage (Nichols 1989: 172), and/or in more recent history (Topuria 1994: 530) due to uninterrupted contact between these languages.

The present paper aims to address the following questions:

(1) To what extent is the present distribution of markers across the paradigm cells due to areal diffusion? On the basis of three methodological arguments, we hypothesize that areal diffusion played an insignificant part: (a) Borrowed nouns generally take over the gender by analogy, i.e. the borrowed word does not keep its original gender but is assigned a gender corresponding to the gender of a native, semantically similar word (Chumakina 2009). (b) The claim that the category of gender arose in the PND speech community when this community was already so dispersed that gender ‘settled in’ differently in each branch (Nichols 1989: 172), cannot be upheld, since it is methodologically unsound to assume both a single speech community where the category of gender as such could have developed, and assume at the same time different speech communities to account for the variation in the data.

(c) A large part of the variation in gender systems found within this family can be ascribed to morphological analogy and paradigm leveling, representing innovations in daughter languages of PND.

(2) Conversely, if areal diffusion does not play a major role, why do only the two westernmost branches Nakh and Tsezic (which do not form a subgrouping) feature a fifth gender (expressed by *j-* in both singular and plural; for Tsezic, see: Comrie & Polinsky (1999))? Cognate lexemes that belong to this fifth class in Nakh and Tsezic will be established and compared against cognates in other branches in order to assess whether this 5th class should be reconstructed for PND or rather be interpreted as representing a secondary innovation; this in turn could have developed independently or in a situation of close contact.

(3) How can the plural gender markers (*b, *d, and *j in Nakh and Tsezic) inform us about the history of the system?

References

Chumakina, M. 2009. Loanwords in Archi, a Nakh-Daghestanian language of the North Caucasus. In *Loanwords in the world's languages: A comparative handbook*, Haspelmath, M. & Tadmor, U. (eds.), 430–446. Berlin: De Gruyter Mouton

Comrie, B.; Polinsky, M. 1999. Some observations on class categorization in Tsez. In *Studies in Caucasian linguistics: Selected papers of the Eight Caucasian Colloquium*, van den Berg, H. (ed.) 125-139. Leiden: Research School of Asian, African and Amerindian Studies (CNWS).

Corbett, G. G. 1991. *Gender*. Cambridge: Cambridge University Press

Nichols, J. 1989. The Nakh evidence for the history of gender in Nakh-Daghestanian. In *The Non-Slavic Languages of the USSR: Linguistic Studies*, Aronson, H. I. (ed.) 158-75. Chicago: Chicago Linguistic Society.

Nichols, J. 2003. The Nakh-Daghestanian consonant correspondences. In *Current Trends in Caucasian, East European and Inner Asian Linguistics. Papers in Honor of Howard I. Aronson*, Holisky, D. A. & Tuite, K. (eds.) 208-264. Amsterdam: John Benjamins.

Topuria, G. V. 1994. Zur Geschichte der grammatischen Klassen in den ostkaukasischen Sprachen. In *Studia Indogermanica et Caucasica. Festschrift für K. H. Schmidt zum 65. Geburtstag*, Biemeier, R. (ed.) 524-534. Berlin and New York: De Gruyter.

WE MARRY ALICE:
AN UNUSUAL REPORTED SPEECH CONSTRUCTION IN TABASARAN¹

Preliminaries

Tabasaran is a Nakh-Daghestanian language of about 130.000 native speakers in Southern Daghestan. The verbal person agreement system is as follows:

Table 1. *Subject and object personal clitics.*

	1SG	2SG	1PL.INCL	1PL.EXCL	2PL
Subject	-za	-va	-xa	-ča	-č̣a
Object	-zu	-vu	-xu	-ču	-č̣u

If the subject is 1st or 2nd person, the presence of a person clitic is obligatory:

- (1) uzu rasul kučal ɤap'un =za / *ɤap'nu
 1SG Rasul lie do.PERF 1SG.S do.PERF
 I deceived Rasul. [Bogomolova 2012]

Second argument doubling is optional (depending on specificity/degree of participation in the action, see [Bogomolova 2012:105]):

- (2) rasul-i uzu kučal ɤap'nu / ɤap'un =zu-z
 Rasul-ERG 1SG lie do.PERF do.PERF 1SG-DAT
 Rasul deceived me.
- (3) uzu uvu agura =za =(vu)
 1SG 2SG look.for.PRS 1SG.S 2SG.O
 I am looking for you.

¹ This research has been supported by the RSF grant 17-18-01184.

The reported speech constructions

The indirect speech in Tabasaran includes some features of (canonical, see [Evans 2012]) direct speech. One of them is that personal clitics (=Ø 3rd person and =za 1Sg.S) in the embedded clause do not shift their indexical interpretation, while free pronouns (*uzu* 1SG) do:

- (4) aslan-di_i [uzu_j tukandi-z ʁušnu-Ø_j] ʁapi
Aslan-ERG 1SG store-DAT go.PERF-3 say.AOR
Aslan_i said that I_j went to the store.

- (5) aslan-di_i [uĉ_i tukandi-z ʁušun =za_i] ʁapi
Aslan-ERG LD.REFL store-DAT go.PERF 1SG.S say.AOR
Aslan_i said he_i went to the store.

Both examples cannot be interpreted as a case of direct speech, because it is grammatical to situate a wh-question within an embedded clause of this type:

- (6) a. aslan-di [uzu naana ʁušnu] ʁapi?
Aslan-ERG 1SG where go.PERF say.AOR
Where did Aslan say I went _ ?

In the example above, the wh-word (*naana* ‘where’) is situated within the reported speech clause. It is widely known that crosslinguistically wh-questions to direct speech are ruled out. In Tabasaran, direct speech clauses have free pronouns and personal clitics both shifted. In these clauses, as expected, such questions are not allowed:

- (7) a. *aslan-di [uzu naana ʁušun =za] ʁapi?
Aslan-ERG 1SG where go.PERF 1SG.S say.AOR
Intended: Where did Aslan said he went _ ?

The possibility to shift indexical elements in embedded clauses is now attested in many non-related languages and is called ‘indexical shifting’. The phenomenon includes some intriguing syntactic features one of which I describe below.

Merged “We” construction

Tabasaran allows to conjoin several utterances made by different speakers in a single instance of the reported speech construction, using a 1Pl marked verbal form.

In the example below there are two original speakers represented. Their original utterances are (more or less) the same, but they cannot both be true at once: only one of the speakers can marry Alice. Nevertheless, when reporting two utterances at once it is possible to use the 1Pl verbal form:

- (8) *(Context: Both Akhmed and Rasul intend to marry Alice. Akhmed says that he is marrying Alice, and Rasul says just the same. I report the situation to a third person.)*

axmed	=na	rasul-di	q:u ^s vidi	=ra	k'urdu
Akhmed	and	Rasul-ERG	two.ADV	too	say.FUTIII
[durar-i		alisa	susu-di	ƚadaƚur	=ča k'urdi]
DEM.PL-ERG		Alisa	bride-ADV	take.FUTII	1PL.EXCL.A COMPL

Akhmed and Rasul both say that they are marrying Alice. (Lit.: ...that **they** take-1Pl Alice as a bride). *Khuzhnik*

The structure looks quite strange. In (8) neither of the original speakers, Akhmed or Rasul, could ever say something like “We marry Alice”: **Iču alisa susu-di ƚadaƚ-ur-ča* ‘We take Alice as a bride’. As far as I now the phenomenon was first attested in Uyghur [Shklovsky and Sudo 2014:385] and is not yet described in any of Nakh-Daghestanian languages.

Conclusions

The data presented above can be a piece of evidence in interpreting of Tabasaran as an index shifting language and can help to analyze the behavior of indexicals in Tabasaran. In particular, it provides evidence against the mixed quotation account of Tabasaran indirect speech.

Literature

Bogomolova, N. K. 2012. Lichnoe soglasovanie v tabasaranskom jazyke: konceptualizator i ego adresat v strukture situacii (*Person agreement in Tabasaran*) // Voprosy jazykoznanija. №4. Pp.101–124.

Evans, N. 2012. Some problems in the typology of quotation: a canonical approach.

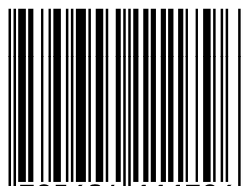
Shklovsky, K., and Y. Sudo. 2014. The Syntax of Monsters. *Linguistic Inquiry* 45, 3: 381–402.

Научное издание

Международная конференция
«Кавказские языки: типология и диахрония»
памяти Михаила Егоровича Алексева.
23–24 октября 2019 года.
Институт языкознания РАН, Москва.
Тезисы докладов

Изготовление оригинал-макета — *Т. А. Майсак*

ISBN 978-5-6041117-9-6

9 785604 111796